

Игорь Гревцев

Покаяние любовью

Русская поэзия

Межрегиональный благотворительный общественный
фонд «Глас ангельский Руси»

Москва
2020 г.

*Посвящается моей жене,
Гревцевой Марии Викторовне,
и всем православным жёнам,
исполняющим заповедь Божью
по отношению к своим мужьям*

Прикасаюсь

к волне

Океана...

*Почему Ты меня не оставил
ограниченным в силе его?*

Для чего

*Ты вложил Бесконечность
в эту каплю солёной воды,
что зовётся теперь «моё тело»?*

Почему не гранитная стела?

Почему не кристаллик хрустальный?

- ХОЧЕШЬ ВСЁ ПОМЕНЯЮ МЕСТАМИ

Не хочу!

*За такую же каплю воды,
что зовётся теперь «её тело»
на безумно горячем и белом
океанском песке,*

я согласен быть тем,

что Ты сделал:

Бесконечностью

в капле воды.

Жажда покаяния

Разомкни мне, Господи, уста,
И вложи в них искренний язык,
Чтобы я перед налоем встал,
Но не так, как в прошлые разы.

Даже и не помню, сколько раз
Слово: «Грешен!» – я провозглашал.
Но досей поры своих проказ
Не открыла Господу душа.

И ведь к Чаше каждый раз иду
Псом смердящим, что погряз в грязи.
Господи! да как меня Твой Дух
До сих пор ещё не поразил?

Сколько ж милосердие Твоё
Буду я испытывать без чувств?
У наоя мы с Тобой вдвоём:
Ты всё знаешь – а я всё молчу.

Так доколе буду я молчать,
Собственную совесть загнобив?
Дай мне Слово, что острее меча
Рассечёт мне душу до глубин!

Помоги мне, Господи, сказать
То, что знаешь Ты и без меня,
Что б я стал прозрачным, как слеза,
И меня Ты истинно обнял.

27 август 2005

Смертельный стыд

Каюсь, Господи, каюсь
На исходе поста...
Только, вот, заикаюсь,
Будто камни в устах.

Я хочу исповедать
Всю душевную грязь:
Как я жил вне Завета,
Не постясь, не молясь.

Но мешает мне что-то,
И молчит моя плоть
До холодного пота,
До безумия в плоть.

Губы склеены, будто
Преисподней смолой.
Стыд мой разум опутал,
Сделал душу немой.

Я молчанием множу
Наползающий грех.
Помоги мне, о Боже,
Стыд разбить, как орех.

Нужно было стыдиться
Не сейчас, а тогда,
Когда я, как блудница,
Шёл на грех без стыда.

В этом жутком искусе
Как бы я не погиб...
Боже мой, Иисусе,
Помоги, помоги!

27 август 2005

Ключи от души

Не хочу уже быть без Тебя!
Не хочу православным казаться,
И великой Святыни касаться,
Свою душу обманом губя.

Сколько можно стремиться вперёд,
Оставаясь всё время на месте?
Боже, Ты не нуждаешься в лестях
Тех, кто вечно лукавит и врёт.

Я же лгу Тебе день ото дня,
Называя себя православным.
Но, ведь, славить Тебя, значит, в главном
Верным быть, Твою правду храня.

А какая ж тут правда Твоя,
Коли я под личиной паяца
Даже в том не решаюсь признаться,
Что и псы от Тебя не таят?

Иисусе Христе, научи
Твоё имя носить мне достойно,
Чтоб душа со слезами и стоном
Отдала в Твои руки ключи;

Чтоб открылась она до конца,
До глубин, до последних пределов;
Чтоб она в Твои очи глядела,
Не скрывая от страха лица.

27 август 2005

Невидимое Небо

Чёрные тучи крадутся по небу,
Чёрными лапами землю скребут.
Хочешь, рискни и пощады потребуй,
Но им не ведом такой атрибут.

В тучах созрели зародыши молний –
Роды уже неизбежны, как смерть.
Чёрные тучи, всё небо заполнив,
Будут ли вниз на букашек смотреть?

Им всё равно, что деревья, что звери.
Им безразличны все страхи людей.
Их не уверить и не разуверить,
Хоть золотыми горами владей.

Мы перед ними ничтожнее праха,
Ибо над прахом – просторы небес,
Но и они, как пугливая птаха,
Пред грозой теряют свой блеск.

Чёрные тучи буранов сильнее –
В них сочетались огонь и вода.
Может и так... Но над ними синее
Небо, которого нам не видеть.

В этом глазами не видимом Небе,
Если душою пробиться к нему,
Можно взойти на невидимый гребень,
Что пронзает подземную тьму.

2 сентябрь 2005

Главная дорога

Есть в России дорога одна –
Без конца она и без начала,
Среди прочих дорог не видна,
Но главней её ты не встречала.

Мы идём той дорогой туда,
Где никто нас не знал и не знает,
Где синее в озёрах вода
Не такая, как здесь, а иная.

Там другие рассветы встают,
Там другие снега выпадают,
Там понятия «дом и уют»
С современными не совпадают.

Протяни мне ладони свои,
Будто крылья покорная птица,
Чтобы я со своими их свил
И не дал бы назад возвратиться.

Не противься и не прекословь,
А безропотно следуй за мною.
Имя этой дороги «Любовь»,
И её не измерить длиною.

Вытекает из Бога она,
И в итоге вливается в Бога...
Среди прочих дорог не видна
Эта, главная в жизни, дорога.

2 сентябрь 2005

Торжество любви

Красно-жёлтое с ультрамарином!
Божий мир был в цветах неделим.
И лежала тортом именинным
Разноцветная роща вдали.

Мы бродили с тобой по просёлкам
Среди влажных осенних полей,
Прикасались к осинам и ёлкам,
Любовались на грубый пырей.

Нам казались прекрасными даже
Полусгнившие брёвна моста,
Что лежал неотёсанным кряжем
Над рекой, утонувшей в кустах.

Мы смеялись от свежего ветра,
Когда кожу он нам щекотал,
А краснеющий в нескольких метрах
Подхихикивал нам краснотал.

Божий мир не дробился на части –
Он был цельным, как целен кристалл,
Потому что семейное счастье
Мы отдали на волю Христа.

И любовь с той поры возвращалась
К первым чувствам, остынув едва,
И опять, и опять превращалась
В праздник собственного торжества.

2 сентябрь 2005

Связующая нить

Я так люблю тебя, что даже сразу
Любовь к тебе не смог в себя вместить —
Так трудно стокаратному алмазу
Достойную оправу обрести.

Не знаю я, каким являюсь мужем,
Но для меня ты больше, чем жена.
Бывают дни, когда весь мир не нужен,
Но даже в эти дни ты мне нужна.

Порою голос мой подобен лаю,
Порой затравлен я, как мышь в избе, —
Каким бы ни был, но я доверяю
Тебе в два раза больше, чем себе.

Из рук твоих я даже с ядом чашу
Приму, и всю испить её готов,
Как эликсир из чистых и редчайших
Целительных кореньев и цветов.

Я знаю, что, испив её до капли,
Я не умру, храним твоим крестом.
Я каждой клеткой в твоё тело вкраплен,
А ты в меня вросла всем естеством.

Ты — нить, меня связующая с Богом.
Ты — ангел, охраняющий меня.
И даже там, за жизненным порогом
Тебе я не посмею изменять.

5 сентябрь 2005

Белое и чёрное

Чёрные точки ворон на снегу,
Будто на саван упавшие слёзы...
Молча стоят на крутом берегу
Белые, в чёрных разводах, берёзы.

Всё, как обычно, и всё, как всегда:
Чёрное с белым и белое с чёрным
Неотделимы, как путь от следа
Путника, этим путём увлечённым.

Всё, как и сорок столетий назад:
Белое с чёрным и чёрное с белым
Несовместимы, как взгляд и глаза,
Руководимые немощным телом.

Зло и Добро, словно тени и свет
Переплелись в этом мире под солнцем,
Но никакого смешения нет –
Переpletённое, всё-таки, рвётся.

Переpletение можно сменить
В сердце своём на иное влечение:
Можно ворон разогнать, и они
Снег перестанут кропить своей чернью.

Вот и стою на крутом берегу
Белой – но в чёрных разводах – берёзой,
В недрах бессмертной души берегу
Белую суть перед чёрной угрозой.

5 сентябрь 2005

Таинство брака

Мы с тобой перед Богом стоим,
Как стояли мы у аналоя –
Так стоял воздыхающий Сим
У одра отходящего Ноя.

И в горниле житейских забот
Мы стоянием этим хранимы,
Словно опытным кормчим вельбот
В бурюнах, пролетающих мимо.

Сколько раз наш семейный корабль
Нёсся прямо на скалы и рифы,
И тогда нам казалось: пора б
Всё отринуть, как старые мифы;

Разойтись и скорее забыть
Неудачную нашу дорогу,
Что сверкнула зигзагом судьбы...
И тогда обращались мы к Богу.

Каждый брался за собственный гуж,
Заглушая в душе своей ругань:
«Да возлюбит жену свою муж!...»,
«Да жена убоится супруга!...»

И входил в наши души Господь,
И опять разделённые двое
Превращались в единую плоть,
Как в тот день – пред святым аналоем.

8 сентябрь 2005

Дар

Ты дал мне великое право:
Глядеть на высокие звёзды,
Ходить по расплёсканным травам,
Вдыхать предрассветный воздух.

Ты дал мне звенящие зимы
И золото далей осенних,
И только в стихах выразимый
Покой белооблачной сени.

Ты мне разрешил насладиться
Теплом деревенского солнца,
И праздничным вкусом водицы
Из бабушкиного колодца.

А главное, Ты мне позволил
Коснуться любимых запястий,
И птицей, летящей на воле,
Вкусить поднебесное счастье.

О Господи, Бог мой, за что же
Ты дал мне в сто крат, чем я стою?
Ведь я пред Тобою ничтожен,
Как червь земляной под пятою.

Отравлен я ложью и ленью,
Весь мир получивший задаром...
О Господи, дай мне уменьше
За всё Тебе быть благодарным.

11 сентябрь 2005

Сила слабости твоей

Сравню я тебя с лепесточком жасминным,
Мне данная Господом Богом жена,
Но, всё же, каким бы-то ни был я сильным,
Мне слабость твоя словно воздух нужна.

В смиренном твоём послушании мужу
Становишься ты на такой пьедестал,
Что в сердце моём сквозь греховную стужу
Я чувствую взгляд Иисуса Христа.

Я знаю, родная, что, если на фронте
В бою раздробит мне осколком хребет,
И стану я грудой недвижимой плоти,
То ты мою плоть понесёшь на себе.

Я знаю, что если гонимым я буду
И душу мою захотят истребить,
За мною, изгоем, пойдёшь ты повсюду,
Хоть тысячу вёрст по этапу в Сибирь.

Я так же уверен, что, если паду я
И стану презренным и грязным бомжом,
Ты даже на миг не посмеешь подумать
Оставить меня на вокзале чужом.

И пусть мне навстречу – один только ветер
С дождём или снегом, я буду терпеть.
Но если бы в жизни тебя я не встретил,
Тогда моя жизнь превратилась бы в смерть.

11 сентября 2005

Крик души

Поседели берёзы от горя,
Голос птиц от печали охрип –
Их надрывному пению вторя,
Я и сам надрываюсь внутри.

От грехов моих небо мутнеет,
И становится чёрной земля,
И проносятся вихрем над нею
Мои страсти, похабно скуля.

Что я делаю, Господи Боже?!
Оскверняю безгрешный Твой мир, –
Я, который настолько ничтожен,
Что пустее зияющих дыр.

А ведь мню о себе я такое,
Что и бесы, пожалуй, не мнят,
И пытаюсь касаться рукою
Сотворённого в Небе огня.

Я живу, как блудница нагая,
Облачённый бесплодной мечтой.
Как меня ещё Он не сжигает,
Тот, пред Кем я никто и ничто?

Я достоин лишь пыток и казни,
А стараюсь кимвалом звенеть.
Мне бы нужно идти, как на праздник,
На любую позорную смерть.

Иисусе Христе, Сыне Божий,
Умоляю, помилуй меня,
И прими в Своё Царствие тоже,
Как разбойника прежде принял!

11 сентябрь 2005

10 минут боли

Ты помнишь, как больно нам было,
Когда мы расстались с тобой?
Поблѣкшее небо рябило
Над нашей разбитой судьбой.

И солнце светило в полсилы,
И травы кололи глаза,
И грунт под ногами плаксиво
Скрипел, как скрипят тормоза.

И встречные люди казались
Страшнее живых мертвецов:
Их взгляды лица не касались,
А били наотмашь в лицо.

И с каждой секундою рвалась
Ещё одна тонкая нить.
И только холодная ярость
Пришла, чтобы нас хоронить.

Мы стали на десять лет старше;
Казалось, нас годы сомнут...
А ведь расставание наше
Продлилось лишь десять минут.

Друг в друга вернувшись обратно,
Мы льдины смогли расколоть,
Познав, что нельзя разрывать нам
Единую в Господе плоть.

14 сентябрь 2005

Один на один

Я кричал, когда было мне больно,
И смеялся, когда – хорошо.
Но ходил я дорогой окольной
И кривил перед Богом душой.

Говорил я себе: будь попроще
И не бойся в чащобу свернуть,
Как под сенью берёзовой рощи
Грибниками протоптанный путь.

Не по зову прабабкиной крови,
А по прихоти плоти своей,
Убеждал я себя: ты виновен,
Но другой провинился сильнеей.

Мне казалось, что так справедливей:
Мерить жизнь по таким, как я сам –
Мол, не хуже других, не блудливей,
И не грабил людей по лесам.

Но однажды во храме столичном
Мне открылось в саднящей груди,
Что стою перед Богом я лично,
С глазу на глаз, один на Один;

Что вокруг – никого со мной рядом,
Как среди бесконечных снегов;
И на Суд я пойду не с парадом,
А гонимый конвоем грехов.

И когда мне Господь Вседержитель
Возвестит приговор по Суду,
Может быть, я единственный житель
Окажусь в преисподнем аду.

14 сентябрь 2005

Дорога Любви

Дорогу, что вместе прошли мы,
Нельзя ни на что променять,
Ни выжечь страстями большими,
Ни мелочной склокой примять.

На этой дороге всё было
Не так, как на прочих путях:
Судьба нас под корень рублила,
Испытуя души в натяг.

На ней нас штормами ломала
Слепая разлучница-жизнь,
И после девятого вала
Смеялась: «Добила, кажись!»

Но была она, удивляясь,
Когда поднимались мы вновь,
Сердцами своими цепляясь
За данную Богом любовь.

И в этой любви Богоданной,
Смывая житейский кошмар,
Мы были за всё благодарны,
И всё принимали, как дар.

И то, что должно бы сначала
В нас чувства любые убить,
Пред Господом нас приучало
Друг друга сильнее любить.

17 сентябрь 2005

Жажда Солнца

Колючие сосны кололи глаза
Лучами на иглах повисшего солнца,
И я, с характерным прищуром японца,
Пытался свой взгляд на лучи нанизать.

Но даже сквозь прорези крупных ветвей
Они не давались глазам и слепили,
Они до того недоступными были,
Что рвались упругие луки бровей.

И я отвернул свой измученный взгляд,
И он зацепился за нижние сучья,
И дальше упал, на древесные кучи,
Что были немногим светлее угля.

И я осознал: вот предел моих сил!
А солнце вместить я в себя неспособен.
И тут же мне холодно стало в утробе,
И Господа Бога тогда я спросил:

«О Боже, прошу Тебя, дай мне ответ!
Скажи мне, какая такая причина
Тому, что я, словно гнилая лучина,
Принять не могу в себя солнечный свет?»

И вдруг ощущаю, как мне говорит
Невидимый Глас: «Почему же? Ты можешь!
Но если ты сам будешь солнечным тоже –
Таким же горячим и чистым внутри».

«О Боже! Но я ведь не ангел, не дух!
И как же мне быть?» – я воззвал ещё громче.
И слышу: «Ты выведи душу из ночи,
И Я тогда Сам в тебя Солнцем войду!»

17 сентябрь 2005

Высохшие георгины

Георгины в твоём саду
Потемнеют и станут чёрные...
Это значит, что я не приду
В этот дом, где перила точёные.

Это значит: уже никогда
На ступеньки его не присяду я,
Не пройду по баянным ладам,
Как всегда, тебя песнею радуя.

Это значит: ресницам твоим
Не дрожать под ладонями мужними,
И слова, что с тобой мы таим,
Станут с этой секунды ненужными.

Если вдруг, словно выжатый жмых,
Захрустят лепестки георгинные,
Значит, нет меня больше в живых,
Значит, где-то в пути своём сгинул я.

Но об этом, прошу, не грусти –
Пусть в любовь будет грусть замурована:
Ты же ведаешь всё о пути,
Мне от Бога сначала дарованном.

А захочешь поплакать, ну, что ж,
Плачь, – но только не ночками длинными,
Что меня понапрасну ты ждёшь, –
А над высохшими георгинами.

17 сентябрь 2005

Следствие по делу души

Сердце стучит упруго,
Гонит тугую кровь.
Время бежит по кругу,
Как поезда в метро.

Снова мелькают лица,
Факты, дела, грехи, –
Словно со всех полиций
Собран во мне архив.

Кажется, он итожит
Всех преступлений суть.
Правда, один и тот же
Вижу везде я путь.

Весь покрываясь потом
От приговорных фраз,
Вижу одно я фото:
Профиль один и фас.

Будто один разбойник
Рыщет по всем лесам
Злым резником на бойне...
Господи! Это ж – я сам!

Память свою листая,
Как уголовный том,
Вижу везде: Христа я
Не признавал Христом.

Будь оно всё иначе,
Разве бы я посмел
Столько свершить собачьих,
Грязных и подлых дел?

Плачет душа! И всё же,
Пусть она слёзы льёт.
Вижу Тебя, о Боже,
В каждой слезинке её.

20 сентябрь 2005

Одно служение

Ты научила меня любить
Не только себя – весь мир,
А без тебя этот мир мог быть
Безвиден и наг, и сир.

Ты дала мне то, что дать нельзя
Без жертвы моей судьбе;
И я сумел этот дар твой взять,
Чтоб тут же вернуть тебе.

И в этот миг мы стали служить
Друг другу как плоть одна,
В которой всё есть, но нету лжи:
Я – муж, ты – моя жена.

Когда мне больно, болеешь ты.
А страшно тебе – тогда
Руки мои, как твои щиты,
Отводят любой удар.

А если вдруг ослабею я,
Становишься сильной ты,
И даже грубый ветер-буян
Нас не сорвёт с высоты.

Вот так и идём по жизни мы,
И дух наш не сокрушим,
И нет ни осени, ни зимы
Там, где мы путь свой вершим.

20 сентябрь 2005

Осенняя заря

Морозец первый в сентябре
Над грунтом пролетел,
И луг – как будто в серебре,
Пока не отпотел.

Хрустит замёрзшая трава
Вдоль тропки над рекой,
И трудно взоры оторвать
От красоты такой.

Идём с тобой – рука в руке –
По сказочным коврам,
И отражаемся в реке,
Как с колокольной храм.

Вдыхаем солнечный настой
Заиндедевших трав...
Постой, мгновение, постой! –
Мы счастливы с утра.

Нам даровал с тобой Господь,
Призвав на Брачный Пир,
Единый дух, едину плоть,
Единый взгляд на мир.

И до тех пор, пока храним
Тобой и мной сей дар,
Мир будет светел, и над ним
Заря взойдёт всегда.

20 сентябрь 2005

Божественный залог

Дождь за окном стучит,
Тихо трещит свеча.
Тихо вода журчит –
Льётся в стаканы чай.

Нет никого вокруг –
Мы да ещё тишина,
Мой сокровенный друг,
Чудо моё, жена.

Сказка моя и быль,
Радость моя и боль,
Светоч моей судьбы,
В новый Эдем пароль.

Ты проведёшь меня
В тот заповедный сад,
Где ручейки звенят
Между святых рассад.

Я – земляная персть,
Но до любви дорос,
Значит, конечно, есть
Сам Иисус Христос.

В этом ты мне залог,
Ставшая мне судьбой:
Жив бесконечный Бог,
Раз я любим тобой!

Дождь за окном стучит,
Тихо трещит свеча –
Тихо её лучи
Льются на Божьих чад.

20 сентябрь 2005

Коршун

Кружит коршун да над полем,
Над пожухлою травой,
То ли в небе создан, то ли
В небо пущен тетивой.

Замирает он на месте,
Мощно крылья распластав.
Он похож на медный крестик,
Что от пота чёрным стал –

От молитвенного пота
Всех святых Святой Руси,
Что греховные болота
Свежей влагой оросил.

Я гляжу в седое небо,
Осенённое крестом,
И прошу у Бога: мне бы
Стать хоть точкой в небе том.

Но предательское тело
Обожжённое в страстях,
Держит душу оголтело
В острых похотью когтях.

Даже коршун, этот хищник,
Во сто крат меня святей,
Потому что не похищен
Сетью низменных страстей.

23 сентябрь 2005

Помолись обо мне

Я устал от всего, дорогая:
От того, что мне в душу плюют,
От того, что за дело лягают,
От того, что без дела клюют.

Похвала превращается в ругань
И становится пыткой порой,
И рука закадычного друга
Рвёт ладонь заскоруждой корою.

Понимаю, что сам я виновен,
Коли так поступают со мной.
Но я сделан из мяса и крови,
И пока ещё, всё же, земной.

Понимаю, что имя поэта
Не даёт мне ни права, ни льгот.
Но пойми: понимание это
Мою душу усталостью рвёт.

Помолись обо мне, если сможешь,
Слёз любви не стирая с лица,
Попроси только: «Дай ему, Боже,
Силы вынести всё до конца», -

Чтоб исполнил я волю Господню
И, как страшно бы я ни устал,
Чтобы то, что на плечи я поднял,
Я донёс до Престола Христа.

23 сентябрь 2005

Мусор

Лежит вдоль дороги мусор,
Уродуя чудный ландшафт.
А эта ж дорога ведь Русью
Ведёт в монастырь не спеша.

По этой дороге когда-то
Святые угодники шли,
А ныне в машинах богатых
Безбожники вертят рули.

А, впрочем, какая мне польза
Безбожников тех осуждать?
А мной разве путь этот познан?
И есть ли мне в Боге нужда?

Да если б нуждался я в Боге
Всем сердцем, посмел бы грешить?..
Я – мусор вдоль этой дороги,
Ведущей к спасенью души.

Я так же уродую землю,
Как этот разбросанный сор.
И хуже того: не приемлю
В смирении свой приговор.

И он от того только строже
Становится день ото дня...
И всё-таки, Господи Боже,
Спаси и помилуй меня!

23 сентябрь 2005

У осенних ракит

В тот год стояла сухая осень,
И мы гуляли с тобой у ракит.
В глазах твоих отражалась просинь
Высокого неба и чистой реки.

С лугов несло пересохшим сеном
И чем-то таким, что нельзя объяснить.
А ты в своём пальтеце осеннем
Была для меня, как святая нить, –

Та нить, что прошла между мной и Русью,
И этим лугом, и этой рекой,
И, даже, этой чуть слышной хрустью
Опавшей листвы – золотой такой.

А за холмом, у лесного скита,
Рождался и рос колокольный звон.
А мы стояли с тобой у ракиты,
Когда в наши души ворвался он.

Держал в руках я твои ладони –
И наши сердца застучали так,
Что воды взыграли в речном затоне
И ветви ракит закрипели в такт.

А звон колокольный с небесной силой
В осенних просторах всё рос и рос,
И нам представлялось – да так и было! –
Что нас обнимал Иисус Христос.

26 сентябрь 2005

Ты знаешь это...

Поэт не может быть подонком –
Ты это знаешь дорогая.
Но рвётся там всегда, где тонко...
За то поэта и ругают.

Ведь он душою слишком тонок,
Своей структурой больно хрупок,
Совсем, как плачущий ребёнок,
А не с трибун орущий рупор.

И, как ребёнка среди взрослых,
Его любой обидеть сможет –
Переломить, как ломом посох...
Да, не безгрешен он, и всё же:

Нельзя людей заставить плакать
От сочетания двустрочий,
Когда душа внутри – клоака,
И по-клоачьему пророчит.

Нельзя издать святого звука
Из сердца, тронутого порчью,
Как не послать стрелы без лука,
Как не увидеть солнца ночью.

И если, всё же, солнце светит,
Все говорят, что день в разгаре.
Так и в оплётанном поэте
Душа чиста при Божьем даре.

Конечно, всякое бывает
На человеческом пожаре, —
Но тьма поэта убивает
За то, что Свет он отражает.

Ты, дорогая, знаешь это...
Но твоей женской доли ужас
В том, что тебе женой поэта
Быть даже после смерти мужа.

26 сентябрь 2005

До и после исповеди

Сегодня так трудно светало:
Заря – будто кралась по лисьи.
На землю ложились устало
С берёз опадавшие листья.

Они чешуёй осетровой
Скрипели под грузом ботинок.
И мне представлялась суровой
Осеннего утра картина.

Я шёл, натываясь глазами
На крытые бархатом клёны,
И в душу больную вползал мне
Их реквием горько-солёный.

Я плакал, а слёзы гвоздями
Вонзались в распятое сердце,
И даже крестом, что на храме,
Оно не могло отогреться.

Оно задыхалось от боли,
Избитое страстью противной;
Оно, челноком на приколе,
Покрылось греховною тиной.

В притвор я входил, чуть не воя,
Во всё безутешной Рахилью, –
И только лишь у аналоя
Вздыхнул я под епитрахилью.

Когда же я вышел наружу
Из храма, грехи свои сбросив,
Я вдруг для себя обнаружил,
Что в мире – прекрасная осень!

29 сентябрь 2005

Начало пути

Как часто грехами измучив себя
И душу свою искорёжив,
Под корень её богозданность рубя,
Взывал я: «Помилуй, мя Боже!»

Я жаждал тогда покаянной слезы,
Как жаждут прощенья убийцы,
И чувствовал даже священный позыв
Слезой покаянной излиться.

Но каяться можно лишь только тогда,
Когда в себе совесть имеешь,
Когда от пронзившего душу стыда
Ссутилишься и поседеешь;

Когда не посмеешь смотреть на людей,
От святости ихней ослепнув;
Когда даже самый последний злодей
Казаться начнёт боголепным;

Когда задрожешь, как пылающий форт,
Не плотью, а внутренней осью,
Когда к аналою, как на эшафот,
Пойдёшь – и назад не вернёшься,

Тогда-то и сможешь с натяжкой считать,
Что начался путь искуплений...
Я, Господи Боже, таким не чета,
Но дай мне хоть встать на колени!

29 сентябрь 2005

Божий дар

От мороза седеет трава,
Но тебя не коснётся мороз,
Той, которую мне даровал
Сам Господь, Иисус наш Христос.

Зной ползёт по засохшей траве,
Но тебя не сожжёт суховей,
Ту, которая стала навек
Половиною плоти моей.

Если нужно, мы вместе пойдём
На позор – и пускай в нас плюют.
Если нужно, мы вместе падём
В никому не известном бою.

Если нужно, мы будем стоять
До конца там, где выжить нельзя,
Не сходя ни на шаг, ни на пядь,
Даже если нам пытки грозят.

Я с тобой не боюсь ничего –
Меня страху с тобой не обвинить,
Мы ведь связаны не бечевою,
А Божественной нитью Любви.

До сих пор не могу я понять,
В чём я смог Ему так угодить,
Что позволил Господь мне обнять
И прижать тебя к грешной груди?

29 сентябрь 2005

Крепость

Беспощадные фары машин,
Будто залпы из вражеских ружей,
Бьют по хрупким основам души,
В темноте её след обнаружив.

Я от этого злого огня,
Если б мог, даже в щель заползал бы,
Но везде наступают меня
Беспощадные фарные залпы.

Я бегу от ревущих огней
И от бритвенных бликов на шинах.
Но не страх в моём сердце, а гнев –
Я изгой в этих дебрях машинных.

Мы с душою здесь прав лишены.
Иисусе Христе, помоги мне
Не растратить Твоей тишины
В этом огненном дьявольском гимне.

Я в надёжную крепость бегу,
Что внутри тишиною залита.
Я осаду держать там смогу, –
Эта крепость зовётся Молитва.

Даже залпы ревущих огней,
Будто выстрелы тысячи ружей,
Как бы плотно не били по ней,
Всё равно остаются снаружи.

2 октябрь 2005

Преодоление страха

Я с утра от дождя задыхался –
От стучащих по сердцу дробин,
И в душе моей страх колыхался,
Как медуза во мраке глубин.

В этот сумрачный день непогожий,
Когда дождь шёл строка за строкой,
Ты сказала: «Помилуй нас, Боже», –
И ко мне прикоснулась рукой.

Мне вся жизнь представлялась унылой,
Однотонно звучащей трубой,
Но ты мне прошептала: «Мой милый,
Бог всегда будет рядом с тобой».

А ещё ты сказала мне: «Муж мой», –
Как вошла в заколдованный круг.
И на свете, за стенкой наружной,
Что-то переиначилось вдруг.

Дождь по-прежнему шёл неустанно,
Но теперь он не трогал души,
Будто узкий пустой полустанок
Стал внезапно перроном большим.

И тогда мне открылась простая
Тайна сложных житейских дорог:
Жизнь не может от страха истаять,
Если есть в ней супруга и Бог!

2 октябрь 2005

Случайная мысль

Цветёт в палисаднике слива
Под взглядами вымытых окон, –
А мне без тебя тоскливо,
А мне без тебя одиноко.

Всё полнится трелью пичужной,
И пахнет на солнце сосною, –
А мне это вовсе не нужно,
Когда тебя нету со мною.

Становятся зори длиннее,
Весна входит в каждое сердце, –
А я без тебя леденею,
Никак не могу отогреться.

Как пёс на далёкой заставе,
Дрожу, избиваемый градом...
А я ведь лишь только представил,
Что может не быть тебя рядом.

Одна только мысль, что ты можешь
Уйти и в другого влюбиться,
Кроваво проходит по коже
Когтями затравленной львицы.

Нет, нас не расколёт ветрами
Житейское попроще злое,
Ведь мы же стояли во храме
Пред Господом, у аналая.

Мы – крылья в свободном полёте
Парящей над пашнями птицы:
Мы стали единою плотью,
И нам уже не разлучиться.

5 октябрь 2005

Золотая осень

Ах, какие дни настали!
Небо влажное до блеска,
И в глазах такая резкость,
Что не знаю: вижу – я ли?

Всё вокруг переменилось,
Пауки – и те не дремлют...
Боже мой, какую милость
Изливаешь Ты на землю!

И ведь это для меня вся
Красота твоя земная,
Чтобы, я Тебя в ней зная,
Рядом с нею сам менялся.

Я как будто бы на ложе
Перелёг с больничных коек.
Господи, скажи: за что же
Ты даруешь мне такое?

Я ведь грешен, подл и грязен,
Я Твоей любви не стою:
Над листвою золотою
Я стою в своей проказе.

Иисусе Христе Боже,
Но ведь Ты уже ответил:
Видно, я Тебе дороже,
Чем всё золото на свете.

5 октябрь 2005

Возвращение в Народ

Господи, что же со мной происходит?
Сердце моё каменеет в груди.
Или рождённый в священном народе
Я обречён оставаться один?

Сколько святых и Князей благоверных,
Сколько героев народ этот дал!
Только лишь я, как на лёгких каверны,
Плоть его чистую жгу без стыда.

Сам я поставил себя вне народа
Тем, что держался порочных путей.
Я ведь похож на больного урода
Среди красивых, здоровых детей.

Господи, дай же мне стыд покаянный,
Спящую совесть мою разбуди,
Чтобы я, грешник и вор окаянный,
В мёртвой пустыне всю жизнь не бродил;

Чтобы вошёл я, всё грязное сбросив,
В град, где живут как Христовы друзья
Сергий и Пётр, Серафим и Амвросий,
Царь Николай и святые Князья.

Господи, дай мне вернуться в Народ свой,
В тот, из которого корни мои.
Дай в красоту переплавить уродство,
Вырвав пороки, как жало змеи.

5 октябрь 2005

Сияние рос

С утра ударил серп луча
По травам на лугу,
И со всего давай плеча
Косить их на бегу.

Ложились травы вкривь и вкось
Под тяжестью росы.
А луч всё кось себе да кось
В ухмылкою в усы.

Он, как заправский мужичок,
Всё оббежал вокруг,
И каждый скошенный клочок
Преобразился вдруг.

И в этот самый тайный миг
На берег вышли мы
Из леса, что ещё был тих
И спал в объятых тьмы.

И ты вошла в сиянье рос,
В их светозарный нимб,
И тут же свет в тебя пророс,
Как будто был твоим.

Я в изумлении стоял,
Как прошлогодний стог,
Невольно в сердце затая
Немыслимый восторг.

И думал я, вполне всерьёз:
Не ангел ли мой ты,
Что снизошёл на лоно рос
С Небесной высоты?

5 октябрь 2005

Твой голос

Голос твой в моей груди,
Обжигающий, как трассер:
«Милый мой, не уходи.
В вечности не растворяйся.

Пусть свирепствуют ветра,
И метели злые воют.
Пусть душа болит от ран,
Нанесённых мне тобою.

Пусть в оковах нищеты
Буду жить рабыней римлян.
Пусть увянут все цветы,
Те, что ты не подарил мне.

Да, с тобою нелегко:
Я, как рожь, тобой косима,
Но когда ты далеко,
Без тебя невыносимо.

Если ж ты совсем уйдёшь
В те, заоблачные, страны,
В жизнь мою ворвётся дождь,
Беспробудный, беспристанный.

Понимаю, что не мне
Выбирать твою дорогу;
Что в горах, среди камней,
Ты торишь тропинку к Богу.

Но ведь ты же не один:
Ты мой крест, а я – твой крестик.
Милый мой, не уходи!
Или дай уйти нам вместе».

8 октябрь 2006

Ответ на твой голос

Я слышу твой голос, родная,
Мне душу до дна опаливший.
Я всё, что ты чувствуешь, знаю.
Я всё, что ты думаешь, слышу.

Ведь мы на двоих не делимы,
Как солнце и неба высоты,
Как путник, лучами палимый,
И жажда, что в горле несёт он.

И нам никогда не расстаться,
Пронзённым сердечною дрожью,
Сплетённым в космическом танце
Под музыку Вечности Божьей.

Но так получилось, родная,
Что путь наш давно подытожен,
И общую чашу до дна я
С тобой вместе выпить не должен.

И пусть к остающимся звёздам
Тебя я безумно ревную,
Но только Тому, Кто нас создал,
Решать нашу участь земную.

Дорога, которой иду я,
Проходит по горным отрогам.
Там ветры холодные дуют,
И это – твоя же дорога!

Я знаю: те несколько метров,
Которые не завершить мне,
Сквозь волны ревущего ветра
Пройдёшь ты – и выйдешь к вершине.

8 октябрь 2005

Осеннее знамение

Как научится мне, хотя бы
На полсекунды, на полмига,
Стать столь же чистым, как октябрь
Под позолотой и индиго,

И стать живительным, как воздух,
Что среди лип, на сон похожих,
Даруя от удушья роздых,
Втекает в лёгкие прохожих?

Как научится быть смиренным,
Подобно солнцу в день осенний,
А не прожектором аренным,
В глаза вжигающим веселье?

Господь знамением погодным
Даёт мне знать в природном лике,
Каким мне быть, чтоб стать угодным
Ему, Всемирному Владыке.

А я, горбат и безобразен,
Стою, прощаемый покуда,
Под кожурой греховной грязи –
И оскверняю Божье чудо.

О, дай мне, Господи, хотя бы
В моей душе на пядь, на йоту
Стать столь же чистым, как октябрь, –
В Тебе обретшим позолоту.

8 октябрь 2005

Живая вода

Я хочу воды напиться
Из твоих родных ладоней,
Как из сказочной криницы,
Той, в которой солнце тонет.

Той водою оживляют
В сказках мёртвого героя,
Потому что убивают
И его враги порою.

Вот и я, как мёртвый витязь,
Стыну в мареве закатном.
Просит плоть моя: «Вернитесь,
И душа, и дух, обратно!»

Но тепло уходит с кожи,
Угасает пульс аорты.
Только ты одна и сможешь
Воскресить меня из мёртвых.

Набери воды в ладони,
Дай мне выпить каплю солнца:
Плоть умершая застонет –
И душа в неё вернётся.

Так бывает только в сказках...
Но, когда грехом убитый,
Упаду я, то не лаской –
Ты мне жизнь вернёшь молитвой.

8 октябрь 2005

Потерянное Солнце

Измождённые осенью дни,
Спотыкаясь, бредут, словно зомби.
Их густая запёклость сродни
Сгустку крови в убийственном тромбе.

Всё мне кажется, что он вот-вот
Оторвётся и в сердце ударит,
И навек перекошенный рот
Мир улыбкой уже не одарит.

Всю неделю, дождями сочась,
Горизонт безнадёгой окрашен.
Что со мной происходит сейчас?
Почему этот мир мне так страшен?

Ведь всего лишь неделю назад
Было всё по-другому – иначе!
Небо солнцем глядело в глаза,
А не полуослепнувшей клячей.

Но сегодня одна маята
Наполняет пустынную душу.
Где и в чём провинился я так,
Что баланс во Вселенной нарушен?

От свершённого мною греха
Стали дни холодней и короче,
Стали клёны листву отряхать,
И явились дождливые ночи.

Я кричу: Иисусе Христе!
Сердце высохло клеточкой каждой, —
Дай испить из Твоих мне горстей
Той воды, что вовек не зажажду.

Возврати мне Свою благодать,
Пусть опять во Вселенной зажжётся,
И в душе, что устала рыдать,
Живоносное, Вечное Солнце!

17 октябрь 2005

Творчество наше

Ты слышишь, родная, как бьётся мой пульс,
На части меня разрывая?
Вся плоть, содрогаясь, болит – ну и пусть!
На то она плоть и живая.

Стихи напалзают на сердце, как тромб,
И вены корёжат при этом.
Но всё это должен я вынести, чтоб
До смерти остаться поэтом.

Я собственной жизнью плачу за стихи,
Пишу я их собственной кровью,
Но бьют они больно меня за грехи
И не почитают за ровню.

Они от рождения выше меня
В своём целомудрии строгом.
Они, год от года и день изо дня,
Сжигают меня перед Богом.

Я тщетно пытаюсь до них дорасти,
Но только лишь ссадины ноют...
Родная, тебе эту ношу нести
Приходится вместе со мною.

Быть может, тебя кто-то спросит: «Зачем
Ты, бедная, терпишь всё это?»
Ответишь ты, глядя на пламя свечей:
«Ведь я же супруга поэта».

И легче мне станет в духовной борьбе,
И в сердце изменится климат...
Всё то, что дано мне, дано и тебе –
Единая плоть неделима.

20 октябрь 2006

Льдина гордости

Если я упаду под ударом
Чёрной гордости, как от рожна,
Не нужна мне и слава задаром,
Да и жизнь мне тогда не нужна.

Если я возомню себя кем-то,
Приписав себе Божеский дар,
Пусть сгорю я, как в небе ракета,
Что сигналы не шлёт на радар.

Лучше быть перед Господом нищим,
Чем богатство принять от людей, —
Если ветер попутный засвищет,
Что он даст утонувшей ладье?

Но как часто в безумстве гордыни
Отхожу я от Бога, да так,
Что стою, как на тающей льдине
В океан уносимый рыбац.

Не желая хвалебного слова,
Он единой мечтой одержим:
Наплевать на богатство улова —
Возвратиться б на берег живым.

Вот и я так: считаю на пальцах
Похвалы все, ища компромисс.
Только стоит без Бога остаться,
Всё теряет и цену, и смысл.

Не оставь меня, Господи Боже,
И не дай мне на льдину ступить,
Ту, которая запросто сможет,
Оторвавшись, меня утопить.

20 октябрь 2005

Первая дверь

Я увидел нищего, что стоял на паперти,
Весь покрытый крупными каплями дождя.
Он дрожал от сырости, и стекали капли те
Под гнилое рубище – древний кров бродяг.

Он стоял как будто бы на границе Вечности:
Вроде и не в мире он, но и в храм не вхож.
Собирал, как пошлину, крохи человечности,
Прихожан испытывал на любовь и ложь.

Кто давал безропотно, кто от сердца –
весело,
Кто слегка поморщившись, кто-то – ничего,
А ведь все даяния перед Богом взвесила
Пятерня немытая нищего Его.

Он стоял на паперти монастырским
вратником:
Полуплоть – в обители, полуплоть – в миру.
Он давал возможность всем ощутить на
практике,
Выживут ли души их, или отомрут.

Он кому-то, может быть, не внушал доверия,
И казался внешностью пьяница да вор.
Может быть... и, всё-таки, был той первой
дверью он,
Не открыв которую, не войдёшь в притвор.

22 октябрь 2005

Дорога из чащи

Я однажды в чащобах людских
Заблудился, забыв про дорогу.
Изнывала душа от тоски
И теряла себя понемногу.

Растворялась она среди лиц,
Что, скорее, похожи на маски.
И цеплялась за юбки блудниц,
За любовь принимая их ласки.

Я метался туда и сюда,
Всем себя предавая на милость,
И душа, отупев от блуда,
Окончательно остановилась.

Я стоял – ни вперёд, ни назад! –
Оказавшись по горло в трясине...
И тогда я увидел глаза
Неземной, ослепительной сини.

Я рванул к ним навстречу душой,
И вошёл в них – и вышел из чащи
На начало дороги большой
И, что втрое важней, – настоящей.

А когда оглянулся вокруг,
Я увидел тебя со мной рядом,
Мой надёжный и преданный друг
С неземным, ослепительным взглядом.

И с тех пор ты мне стала женой,
И вся жизнь изменилась в итоге.
Мы идём по дороге одной –
И она совершается в Боге.

22 октябрь 2005

Кукушка

Закукует кукушка в дубраве –
Я её о годах не спрошу,
Потому что, наверно, не вправе
До тех пор, пока сердцем грешу.

Эй, кукушка, народный гадатель,
Ты сегодня щедра, как на смех.
Для чего мне, подумай, года те,
Если я их потрачу на грех?

До чего же ты глупая птица,
Коли порешь всё время по шву:
Мне сначала бы определиться,
Для чего я на свете живу.

Если только затем, чтобы множить
Груды горя, разврата и лжи,
Да ещё наслаждаться, быть может,
То тогда лучше вовсе не жить.

Ну, а если затем, чтобы к Богу
Год от года стремилась душа,
Сколько б лет не ушло на дорогу –
Всё равно это Богу решать.

Ты, кукушка, кукуй неустанно,
Всё же глас твой по-русски звучит.
Ну, а то, что считать я не стану,
Пусть тебя это не огорчит.

26 октябрь 2005

Храм и кабак

Без Тебя мне, Господи, всё равно, что в море
Кораблю без паруса, лодке без руля.

Без Тебя я, Господи, как солдат в дозоре,
Что свои патроны все в воздух расстрелял.

И всё это ведая, и всё это зная,
В сердце я зачёркивал светлый образ Твой.
И тогда врывается мне в душу сила злая,
Учиняя оргии, поднимая вой.

И тогда не храмом уж, а публичным домом,
Кабакком заплёванным становилась плоть,
И разило потом в ней, табаком и ромом,
Все могли входить в неё – только не Господь.

И входили весело, сапогами шаркая,
Все, кому захочется (почему бы нет?),
Коли сам раскрылся я, как блудница жаркая,
Кем-то привезённая на чужой банкет.

И вопил от боли я, будто бы по шрамам
Кто-то раскалённым шкворнем проводил...
Научи мя, Господи, быть всё время храмом,
Чтоб и на мгновение Ты не выходил.

26 октябрь 2005

За что?!

Заскрипели снега под ногами,
Перестали снежинки кружить,
И предстали стога под снегами,
Как облитые мёдом коржи.

Заблестели огромные звёзды
В чистом небе, как в чистой воде.
Захрустел обжигающий воздух,
Словно свежестью всей завладел.

Шел я полем по тропке несмелой,
Только-только пробитой к селу, –
Вся земля стала кипельно белой,
Будто новая скатерть к столу.

До чего же весь мир был уютен,
Несмотря на колючий мороз.
А душа напевала: «Люблю Тя,
Милый мой, Иисус Христос!»

Шёл я, белым простором влекомый,
Как в безоблачном небе парил,
И всё думал: «За что мне – такому! –
Красоту эту Бог подарил?»

И внезапно я в сердце со стоном
Ускользящий Голос ловлю:
«Да, ты сей красоты не достоин,
Но ведь Я тебя, чадо, люблю».

29 октябрь 2005

Залог

Чем отплатить мне за любовь твою,
Какой несуществующей монетой?
Все птицы, что щебечут над планетой,
Твою любовь ко мне не воспоют.

Я был, как пробудившийся вулкан,
Я извергался дикими страстями,
Я грех вкушал, беря его горстями,
И был сродни не людям, а волкам.

Я выходил на гордый свой престиж,
Как на балкон, висящий без перила.
Но ты его душой своей покрыла
И от меня смогла меня спасти.

Вулкан утих, и пламень в нём поблек,
И вкус греха я ощутил иначе,
И волчий облик стал слегка прозрачен,
И сквозь него пробился человек.

Я страсти свои бросил на весы
И ужаснулся: до чего ж их много!
Но я в твоей любви увидел Бога,
Как видят солнце в капельке росы.

Господь мне дал тебя не просто так,
А как залог грядущего спасенья,
Ведь в собственном духовном воскресеньи
Открыл я Воскресение Христа.

29 октябрь 2005

В одной лодке

Заскрипели уключины
Над уснувшей рекой
В камышах, у излучины,
Нарушая покой.

Вёсла крыльями птичьими,
Черканув по звезде,
Вниз руками девичьими
Опускались к воде.

Брызги, взвившись над лодкою,
Осыпали тебя,
Но сидела ты, кроткая,
Шали край теребя.

Ты старалась не вздрагивать
От назойливых брызг,
Принимая, как радугу,
Их неожиданный каприз.

Вот с таким же смирением
Принимаешь ты всё,
Что со скрипом и трением
Наша жизнь нам несёт.

Но за то, что, любимая,
Ты со мною плывёшь,
Я отдам тебе жизнь мою,
Как последний свой грош.

1 ноябрь 2005

Вечная молодость

Вот и кончилась наша весна,
Вот и жаркое лето промчалось.
Но упали на грунт семена –
Значит, всё повторится сначала.

Снова тонко ручьи зажурчат,
Снова солнце в овраги заглянет,
Снова стайка весёлых девчат
Побежит по цветущей поляне.

А за ними – ватага ребят
Пронесётся в истоме безгрешной...
Среди них я увижу тебя,
И себя я увижу, конечно.

Вновь покроются крылья берёз
Молодым, зеленеющим пухом,
И под свежесть вернувшихся гроз
Никогда ты не станешь старухой.

Как всегда, зацветёт резеда,
И жуки поползут по каштану,
Ведь и я для тебя никогда
Стариком безобразным не стану.

Нам любовь нашу Бог даровал,
И неважно, что волос редеет:
Умирает, старея, трава,
А любовь во Христе – молодеет!

1 ноябрь 2005

Свидетельство Бога

Брось в лицо мне последний упрёк
И уйди от меня – от такого.
Ну, какой же тебе во мне прок?
Объясни, умоляю, толково.

Разве можно в таких вот, как я,
Так бездумно и сильно влюбляться?
Я, как взятая в руки змея,
Оставляю укусы на пальцах.

Я всю жизнь тебя рвал и ломал,
И своими страстями корёжил.
Я тебя не возил на Ямал,
Да и дома не баловал тоже.

Ты не знаешь, как дарят цветы
Обожаемым жёнам мужчины...
Так за что влюблена в меня ты –
Разве можно любить без причины?

Но, ведь, любишь! И в этом вся суть
Нескончаемого диалога.
Я вдруг понял, что ты мой сосуд
Для Любви, что исходит от Бога.

И внезапно пронзил меня свет,
Словно в совесть забитая свая:
Я любить не могу, а в ответ
Бог любовь на меня изливает!

Этой вестью душа сражена –
Я как будто прозрел у оврага.
Боже мой! Ты не просто жена,
Ты – свидетельство Бога Живаго.

1 ноябрь 2005

Гордыня

Я хотел быть распятым,
но только чуть-чуть,
Чтоб не жало ни руки, ни ноги,
Чтобы видели все,
как от боли кричу,
Но и я чтобы видел восторг их.

Мне хотелось распятым
парить над толпой,
Как раскрывшая крылья жар-птица.
Чтобы каждый в толпе,
и глухой, и слепой,
Моей жертвой мог втайне гордиться.

А ещё мне хотелось,
чтоб зрительских мест
Было меньше, чем зрителей сумма –
Чтобы полный аншлаг!..
Оказалось, что крест
Это вовсе не то, что я думал.

И когда я на деле
предстал пред крестом,
И услышал, как звякнули гвозди,
Задрожал я от страха
кленовым листом,
А под кожей заныли все кости.

Я увидел вокруг
  лишь десятков врагов,
Что готовят орудие казни:
Ни восторженных толп,
  ни хвалебных стихов –
Только боль ожиданием дразнит.

И тогда я взмолился:
  «О Господи! Нет!
Эту чашу со смертным настоем
Пронеси стороной!»
  И услышал в ответ:
- Да, ты горд. И креста не достоин.

5 ноябрь 2005

Верность

Когда меня ломала страсть,
И грех выкручивал мне руки,
Ты не давала мне упасть,
Как будто брала на поруки.

А, впрочем, почему же «как»?
На самом деле так и было,
И за меня, за мужика,
Боролась ты с неженским пылом.

Когда от падшего меня
Все отворачивались хмуро,
А я шатался, как свинья,
Собой довольный на смех курам;

Когда зловонием разя
Я нёс такие ахинеи,
Что даже близкие друзья
И те от злости зеленели,

И, называя подлецом,
Кричали: «Мы с тобой не дружим!» -
Ты с гордо поднятым лицом
Шла рядом с грешным своим мужем.

Ты не стыдилась никого,
Ты шла, как будто, так и надо,
Не закрываясь рукавом
От осуждающего взгляда.

Но ты молилась за меня
И результата кротко ждала,
И каждый раз, душой обняв,
Любовью к жизни возрождала.

7 ноябрь 2005

Ум и душа

О человеческий мой ум,
Вооружённый мудрой ложью,
Ты зол, опасен и угрюм,
А я – твой связанный заложник.

Я знаю много из того,
Что человеку знать не нужно.
Я, как загаженный ставок,
Что стал зловоннее, чем лужа.

Чего я только не храню
В своём уме, как хлам в кармане,
И душу напрочь хороню
Под этим хламом глупых знаний!

А ведь она умней меня,
И для неё мой разум лишний –
Её из умных пут манят
Просторы Истины Всевышней.

Она была сотворена
Всё понимающей и зрячей.
Ей дверь туда отворена,
Где ум беспомощнее клячи.

Ей открывались Небеса
Во всём своём многообразье
До той поры, пока я сам
Не осквернился умной грязью.

Молю Тебя, мой Бог, лиши
Меня моих земных познаний,
И дай мне стать рабом души,
Свободным от плотских терзаний.

7 ноябрь 2005

Тайна

До чего же спокойны берёзы
В опустевшем осеннем лесу!
Никакой, даже малой, угрозы
Чащи леса в себе не несут.

Лес прозрачен на многие метры,
И глазам не мешает ничто.
Протекают осенние ветры
Сквозь чащобу, как сквозь решето.

Мы идём с тобой узкой тропой,
И, с трудом помещаясь на ней,
Я сливаюсь невольно с тобою,
Прижимаясь к тебе всё сильней.

Ну, а ты, мне ни в чём не переча,
Чтобы руку мою не ронять,
Подставляешь мне тонкие плечи
И как будто вырастаешь в меня.

Так вот вместе с тобой и идём мы –
Двое, слитые в тело одно,
Посредине берёзовой дрёмы,
Сквозь которое небо видно,

Друг для друга прозрачные так же,
Как листву свою сбросивший лес.
И стоит он безмолвно на страже
Тайны брака, что выше чудес.

7 октябрь 2005

Любовь

Когда своего уже нет ничего,
Когда даже горе, и то – пополам,
Тогда по дорогам судьбы кочевой
Идём мы вдвоём, как по ровным полам.

И если не только одна на двоих
Смиренная плоть, но и, даже, душа,
Тогда никакой сокрушительный вихрь
Не сможет в пути нам с тобой помешать.

Нам Таинство Брака открылось в любви,
Пронзившей сердца наши взглядом во взгляд:
Попробуй одну только нить оборви,
Как тут же все нервы души заболят.

И боль эта будет больней во сто крат
Чем, если с живых ещё кожу содрать.
И я без тебя, будь хоть трижды Сократ,
Уже не сумею подняться с одра.

Такая любовь тяжела, но она, –
И только она! – носит имя Любовь.
И только такой она Богом дана,
Когда проливал на Голгофе Он кровь.

9 ноябрь 2005

Сердце в миру

Сядь со мной рядом, дай свою руку.
Слышишь, как бьётся мой пульс?
И, подчиняясь сердечному стуку,
Я в его ритме молюсь.

Каждый удар – обращение к Богу,
Словно призывный набат,
Что высекает из меди тревогу,
В бой поднимая солдат.

Каждый удар – это слово молитвы:
«Господи, благослови
Наши сердца, что в единое слиты,
Светом Небесной любви.

Господи, дай устоять нам в разгуле
Волн, что покруче морских –
Дай не упасть, как от вражеской пули,
От искушений мирских.

Господи, в этом разрушенном мире
Не изменяется пусть
Наша любовь...». Будто морзе в эфире
Бьётся молитвенно пульс.

Это, конечно, бывает не часто –
Только в такие вот дни,
Среди которых, уйдя в своё счастье,
Мы остаёмся одни.

9 ноябрь 2005

Небо и камни

Неужто солнце меркнет в небе?
Или в глазах моих пустых?
Опять, как сбитый дробью лебедь,
Несусь на камни с высоты.

Опять душа и сердце ноют
В расплющенной о грех груди.
И вновь тернистою тропею
Мне к солнцу в Небо восходить.

О, сколько раз в глубины бездны
Я падал, выбравшись из них.
Казался путь мой бесполезным
И грубым образом возни.

А кто-то в уши мои сеет
Одну назойливую мысль:
«Не корчь себя ты Моисеем –
Лежи, не дёргайся, смирись».

Не верю этому навету:
Не то смирение, не то!
Когда душа не хочет к свету,
Её полезно гнать кнутом!

И каждый раз, подобно птице,
Я буду вверх взлетать с камней
Навстречу Божией деснице,
Протянутой навстречу мне.

13 ноябрь 2005

Смирение женщины

О, если бы можно смирение было
Увидеть воочию и осязать,
Наверно б, оно своим светом убило,
Ворвавшись в потёмки души сквозь глаза.

Наверно б, оно обожгло до предела,
Срывая всю кожу, как створки гардин,
Не только ладони и грешное тело,
Но, даже, сердечную мышцу в груди.

И я б задохнулся от света и жара,
Когда бы увидел смирение въявь,
И совесть моя бы за море сбежала,
От страха дрожа, переплыв его вплавь.

Хвала Всемогущему Господу Богу,
Что Он не открыл мне смиренье твоё,
И только с годами – и то понемногу –
Он видеть его мне по капле даёт.

Но веришь, любимая? капельки эти,
Когда мы с тобой остаёмся вдвоём,
Смывают разводы проклятых отметин,
Оставленных гордостью в сердце моём.

Не знаю, насколько теперь стал я чище,
И стал ли действительно – хоть на чуть-чуть?
Но знаю одно: что душа уже ищет
Смирением к Богу указанный путь.

19 ноябрь 2005

Быть собой

Научи меня быть собой,
То есть, тем, кем меня Ты и создал:
Не в пустыне звенящей трубой,
Извергающей звуки на воздух.

Я сейчас, как раскрашенный гроб,
А внутри – всё, что следует гробу.
Дай мне силы, о Господи, чтоб
Я всю жизнь им, до смерти, не пробыл.

Научи устремляться к тому,
Для чего я и был предназначен,
А не тупо тащиться во тьму
К живодёрне приписанной клячей.

Не хочу уже быть без Тебя
И лететь суховеем по полю, –
Мои страсти меня истребят,
Если я не войду в Твою волю.

Но безумная воля моя
Не даёт мне для жизни момента.
Я стою как ненужный маяк,
Что воздвигнут среди континента.

И куда б тот маяк не светил,
Он смешон, ибо сушей обложен.
Нет уж! Лучше – как пыль на пути,
Что ведёт в Твоё Царствие, Боже.

Отрекусь от великой судьбы,
Откажусь от стремления к звёздам.
Кем угодно согласен я быть,
Лишь бы тем, кем меня Ты и создал.

19 ноябрь 2005

Семья

Родная, ты слышишь, как ветер колючий
Доносит приглушенный стон?
Над Русью опять собираются тучи –
Ползут они с разных сторон.

Но Русь облечётся в духовные латы,
А значит, придётся и мне...
Хочу, чтобы рядом со мною была ты
На этой священной войне.

Когда же я встречусь на поле с врагами,
Щитом пусть мне будет любовь.
А если погибну, своими руками
Ты в путь меня приуготовь.

Покой наш семейный, конечно, нам дорог,
Но разве возможен покой,
Когда оскверняет семью нашу враг
Своею бесстыдной рукой?

Кровавые росы давно оросили
Хранящие нас покова,
А наша семья – это капля России,
А капля без моря мертва.

За мужем твоё богоданное место,
И ты не покинешь его –
Нам некуда деться: дорогою крестной
Идём мы под хохот и вой.

Но эта дорога считается главной –
Она и твоя, и моя,
Ведь если останется Русь Православной,
Останется наша семья.

23 ноябрь 2005

Дорога к счастью

Есть на свете дорога одна,
Этот путь только лишь для двоих
предназначен,
И пройти по нему – непростая задача:
Справа пропасть, а слева стена.

Там ревут ледяные ветра,
Там кинжальные камни врезаются в раны,
А порой растекаются злые туманы,
Как смертельный настой из отрав.

Ту дорогу нельзя сократить,
Там никто из друзей не придёт на подмогу,
Там единственный шанс – обращение к Богу,
А иначе её не пройти.

Но выводит она под конец,
Как бы ни была трудной, опасной и
длинной,
На простор, что зовётся Счастливой
Долиной,
Где сливаются стуки сердец.

Мы по этой дороге прошли,
Мы оставили след свой на этой дороге,
И пускай мы на ней до предела продрогли,
Но Долину свою мы нашли.

А молитва, что нам помогла
Не вернуться обратно и в бездну не кануть,
Превратилась в проверенный всеми веками
Камень, ставший главою угла.

26 ноябрь 2005

Не оставляй меня

Господи, где бы я ни был,
Слёзно прошу: ни на миг
Не оставляй меня, либо
Жизнь у меня отними.

Если Тебя в ней не будет,
Годы меня раздробят.
Даже любимые люди
Мне не заменят Тебя.

Я без Тебя одинокий
Даже в объятьях жены.
И гениальные строки
Мне без Тебя не нужны.

Лучше я пусть онемею,
Чем без Тебя пропою.
Всё, что я в жизни имею –
Это заботу Твою.

Пусть под дождём и под градом,
Пусть не в избе, а в сенях,
Только бы знать, что Ты рядом
И не оставил меня.

Господи, Господи Боже,
Грубо гонимый судьбой,
Пусть буду всеми я брошен,
Только, прошу, – не Тобой.

26 ноябрь 2005

Явленное в тебе

Ты слезинка моя, ты дождинка моя,
Ты снежинка, что тает над бровью.
И, тебя не скрывая, скажу не тая:
Ты спасла меня Божьей любовью.

Я однажды упал, и подняться не смог,
Я лежал, попираем толпою.
Мне казалось тогда, что забыл меня Бог,
Но ко мне Он явился тобою.

Дал мне руку Свою твоей нежной рукой
И подняться помог на колени.
Дальше легче пошло, как строка за строкой
В стройном хоре церковномолений.

И тогда я сумел снова на ноги встать,
Будто в руки вручили мне посох.
И тогда я узрел Иисуса Христа
В небе, в поле, в травинках и в росах.

Я увидел Его в твоих карих глазах,
Что покрылись молитвенным потом.
И опять на колени упал я в слезах, —
Но паденье теперь стало взлётом.

Я Ему благодарен за то, что ты есть,
И за то, что ты мною любима,
Ибо, если б не ты, Благодатная Весть,
Может быть, обошла меня мимо.

Ты слезинка моя, ты дождинка моя,
Ты снежинка, что тает над бровью.

27 ноябрь 2005

Размышление

Летят над землёй чьи-то мысли и чувства,
И чьи-то предсмертные хрипы летят,
Рождаются где-то шедевры искусства,
И топят в озёрах ненужных котят.

Решаются судьбы народов и наций,
И вкрадчиво входит в патронник патрон,
И первые сны новорожденным снятся,
И поезд вползает на мёртвый перрон.

И вроде ничто не проходит бесследно,
На свитках времён оставляя свой след,
И, всё ж, представляется росчерком бледным
Пред тем, что вершится две тысячи лет.

Всё в мире ничто перед Личностью Бога,
И сколько б путей ни лежало окрест,
Есть только одна в этом мире дорога –
Дорога, ведущая прямо на Крест.

Но стоит с неё хоть чуть-чуть отклониться,
Как тут же скуют лабиринты путей,
И Небо покажется чёрной границей
Глядящим в него из комфортных клетей.

Я чувствую всё, что творится в пространстве,
И всё, что во времени память хранит.
Я каждую пядь человеческих странствий
Готов превратить в монументный гранит.

Но, правда, с условием: если при этом
Он будет вершиной к Христу устремлён,
Иначе пускай я останусь поэтом
Ещё не пришедших на землю времён.

30 ноябрь 2005

Мои сокровища

Я забыл городские замашки,
Я ужал амплитуду шагов, –
С неба сыпятся, словно ромашки,
Невозможные хлопья снегов.

До чего же природа красива!
Я восторг свой смиряю с трудом.
Вот стоит побелевшая слива,
А за ней – побелевший наш дом.

А за ним – побелевшие нивы
И стога, потерявшие вес.
А на кромке планеты – сонливый
И по брови заснеженный лес.

Ничего мне от жизни не надо
Сверх того, что она мне дала,
Лишь бы снег приходил ко мне на дом,
И чтоб ты со мной рядом была.

Я и раньше мечтал не о многом,
Лишь о том, что положено всем.
А теперь, когда мы с тобой с Богом,
Я мечтать разучился совсем.

Буйных помыслов злая афера
Ни к чему, когда есть у меня
Ты, Россия, а главное, вера,
Ну... и снег, что пошёл среди дня.

1 декабрь 2005

Покаяние любовью

Свечи гаснут пред иконой,
Догорая до конца...
Я, коленопреклонённый,
Не могу поднять лица.

Я дрожу, как лист покорный
В перекрестии ветров:
Смотрит Спас Нерукотворный
В моё грешное нутро.

Я грехами весь опутан
От макушки до глубин.
Только сердце почему-то
Знает, что я здесь любим.

О, Божественная правда –
Быть любимым просто так!
Как вернувшееся чадо,
Я припал к ногам Христа.

Свою преданность сыновью
Для Него я берегу:
Покаяние любовью –
Это всё, что я могу.

Взгляд Его и строг, и кроток...
Поднимаю я глаза –
По периметру киота
Вьётся Вечная Лоза...

4 декабрь 2005

Дар Небес

Помнишь день тот заветный, любимая,
Когда прямо с небесных глубин
На снега опадали рубинами
Полнокровные кисти рябин?

А в просторах лазурной империи
Солнца лик безраздельно царил,
И как будто коснулся нас перьями
Светлый ангел – и вмиг исцелил:

Исцелил от тоски одиночества,
Отрешил от пустынных оков.
И тогда я поверил в пророчества
Всех, доселе прошедших веков.

Прочитал я в глазах твоих пристальных,
Что любовью спасается мир, –
И душа опустила у пристани
Чёрный парус, протёртый до дыр.

Перестал я по жизни пиратствовать,
Снял помятые латы с груди,
И предстал перед избранным братством я
Тех, кого Сам Господь оградил.

Там, в ограде, одно только правило:
От любви отречься нельзя...
Ты меня перед Богом поставила,
Ненавязчиво за руку взяв.

Отчего Небеса нас отметили?
Не дерзаю понять, но всегда
День, в который друг друга мы встретили,
Я храню как Божественный дар.

13 декабрь 2005

Скит в миру

Средь бесовских кумирен,
Где безумье пуржит,
В искорёженном мире
Разве можно прожить?

Разве можно пытаться
Мир купить за гроши,
Если с ним не сплетаться
Всей природой души?

Но ведь эта природа
Всех сокровищ ценней:
Даже мир будет продан –
Он лишь прах перед ней.

В мире правда иная,
В нём сплошные холмы...
Слава Богу, родная,
Это поняли мы.

Наших душ две Вселенных
Совместились в одну,
И с просторов нетленных
Не уйдём мы ко дну.

Мир покроется тенью,
Но семейный наш скит
Под Божественной сенью
До конца устоит.

13 декабрь 2005

Эхо посреди Небес

Тишина такая, что звенят шаги,
Гулом отдаются посреди небес.
Я иду простором, что ровней фольги:
Ни дорог, ни тропок, ни высот, ни бездн.

И во всей Вселенной – только я один!
Предстою пред Богом в звёздной пустоте.
И гремит набатом в раненной груди
Всё, чем жил я прежде, или жить хотел.

Наклонилось небо к самому лицу,
И глядит в глаза мне огненный зрачок, –
В сердце оставляя лунную пыльцу,
В душу мне вонзает памяти крючок.

Из глубин душевных вырывает он
То, что укрывал я даже от себя.
Не могу от боли удержать я стон,
И растёт во мне он, плоть мою дробя.

Но, пробив плотину страха и стыда,
Обжигая совесть пламенной огня,
Обретает смысл он, и звучит тогда:
«Господи, помилуй и спаси меня!»

Я кричу безмолвно: «Боже, помоги!
Душу раздавил мне мой греховный пресс...»
Тишина такая, что звенят шаги,
Но... летит их эхо посреди Небес.

15 декабрь 2005

Долг

Право – птицей на воле
Сладкозвучно пропеть –
Ты мне дал для того ли,
Чтобы грех мой терпеть?

Нет, конечно, не верю,
Что Небесный Твой дар
Даже в мизерной мере –
Оправданье блуда.

И какая б гордыня
Не ломала меня,
Дар Твой – это святыня,
Что опасней огня:

Может путь осветить он,
А может и сжечь.
Это я, мой Спаситель,
Понимаю уже.

И чем голос мой звонче
Будет души будить,
Тем большее и жестче
Жизнь должна меня бить.

Но, чтоб в русском поэте
Не случился подлог,
Дай мне помнить до смерти:
Дар – не право, а долг.

15 декабрь 2005

Бессмертие любви

Любимая, нигде и никогда
С тобою мы не сможем разлучиться,
Не потому, что замерли года,
А потому, что время мимо мчится.

Нет, мы, как все, покорствуем ему,
Но лишь своими бранными телами.
А там, где Свет пронзает нашу тьму,
Оно уже не властвует над нами.

Бессмертие даруется в любви
Не тем, чтоб смерть во веки не скосила,
А тем, что в человеческой крови
Пульсирует Божественная сила.

И мы, её дерзнувшие иметь,
В сердцах нашли Вселенную иную...
Конечно, нам придётся умереть,
Иначе не уйти за грань земную.

Но кто сказал, что страшно умирать?
Страшнее жить, не думая о смерти,
И к тем, неведомым пока мирам
Идти письмом в безадресном конверте.

Любимая, мы знаем путь и цель –
Они открыты нам любовью нашей.
И пусть морщинки стынут на лице,
Им всё равно тебя не сделать старше.

Ведь там, куда идём мы, все года
Стирает Вечность благодатью Божьей...
Талант любви, что был нам Богом дан,
Удвоив, мы несём к Его подножью.

19 декабрь 2005

Дорога в сердце

Сеть метельных снегов
Уловила окрестные дали,
Только скрип сапогов
С непокорной метелью скандалил.

На бугре, у леска,
Чей-то свет то погаснет, то брызнет –
Я дорогу искал
К этим видимым признакам жизни.

Я по полю плутал,
Хоть и было знакомо мне поле.
Но как будто плита
Придавила мне плечи до боли.

И никак я не мог
От метельной избавиться казни:
То упрусь в мокрый стог,
То в овраге по пояс увязну.

Все дороги не те!
И тогда я взмолился устами:
«Иисусе Христе,
Почему же меня Ты оставил?»

Но по-прежнему жёг
Ветер кожу мне молотым перцем.
И, уткнувшись в стожок,
Стал тогда я молиться всем сердцем.

И метель вдруг прошла,
И внезапно открылась дорога...
И познала душа,
Где искать ей забытого Бога.

25 декабрь 2005

Вечная невеста

Дорогая моя, дорогая,
Своё время всегда торопя,
Я порой от себя убегаю,
Но уйти не смогу от тебя.

Ты была мне дарована Богом,
И теперь без тебя мне не жить.
Я хотел бы молитвенным слогом
О тебе свои песни сложить.

Только слов мне моих не хватает.
И в гортани – как будто бы ком.
Ведь любовь, что от Бога – святая,
И её не воспеть языком.

Плоть – она от рожденья немая,
Но в душе зарождается песнь...
Ты меня, до конца понимая,
Принимаешь таким, как я есть.

А какой же я есть? Неизвестно.
Это ведомо только тебе.
И проходишь ты Вечной Невестой
По моей непутёвой судьбе.

Если вдруг моё сердце застонет
И кроваво ударит в виски,
Как всегда, ты протянешь ладони,
Чтоб меня исцелить от тоски.

Дорогая моя, дорогая,
Нас связала небесная нить,
И уже никакая другая
Мне не сможет тебя заменить.

25 декабрь 2005

Воздвижение крестов

Кресты золотые пронзили пространство,
Крылато раздвинули неба простор,
И стал вдруг единственным в мире убранством
Рождённого храма священный убор.

И всё в одночасье вокруг изменилось,
Притихла игравшая здесь детвора.
И с этой минуты уже не ценилось
Всё то, что ещё было ценным с утра.

Кресты изливались невидимым Светом,
Как будто бы Вечность сквозь плоть их текла.
И каждый, кто видел их, чуял при этом
Входящие в сердце потоки тепла.

А кто-то шёл мимо, крестов не заметив.
А кто-то, заметив, прошёл всё равно.
И жалко их было, как будто от смерти
Спасти их уже никогда не дано.

И всё же, не только лишь в души глядящим,
Кто видел их славу на храме святом,
Кресты изливались во след проходящим
Божественным Светом и Божьим Теплом.

Они на своих и чужих не делили
Ни этих, стоящих в ограде, ни тех,
Кто шёл мимо храма, – но мощно светили
Сквозь сумрак греховный, а значит, для всех!

25 декабрь 2005

Кровавая метка

Тысячу лет мы искали друг друга,
Не становясь у эпох на постой.
Кровь наших предков струилась упруго
В Русской земле, что зовётся Святой.

Эти потоки порою сходились –
Их разделяла одна только пядь.
Но – в те века мы ещё не родились,
И расходились потоки опять.

Но, всё равно, не на много саженой,
Ибо все пращуры наши легли
В сечах одних и в одних же сраженьях
В лоно одной Богоданной земли.

Десять столетий преграда крушилась,
Чтобы возникла Небесная связь.
И через десять столетий – свершилось!
Кровь двух родов наконец-то слилась.

Я тебя встретил, а может, иначе –
Ты меня встретила. Нам ли решать
Тайну Вселенской Господней Задачи?
Главное, стала единой душа.

Животворящая кровь наших предков,
Мощно в телах наших Русь воплотив,
Сделала нас нестираемой меткой
На нескончаемом Русском пути.

28 декабрь 2005

Знамение Божье

Расплескались в округе снега,
Обелили поляны и тропы,
Будто кто-то с земли сострогал
Заскорузлую чёрную копоть.

Даже воздух стал девственно чист,
И, врываясь в меня, как лавины,
Превращал в неисписанный лист
Черновик моей злой сердцевины.

Я почуял: с души моей грязь
Чистым снегом, что выбелил землю,
Пусть хотя бы на время снялась –
Я и этот подарок приемлю!

Понимал я, что стают снега,
И вернутся души моей путы,
Но была для меня дорога
Святость той беспорочной минуты.

Я глядел на снега со стыдом,
Не скрывая его, как усталость...
А когда я вернулся в свой дом,
Это чувство со мною осталось.

28 декабрь 2005

Жара

Среди улицы на страже
Встал колодезный журавль,
И его достала даже
Трёхнедельная жара.

Снова солнце припекает
Только вынырнув из трав.
Там, где речка протекает,
Чуть прохладнее с утра.

Но и речка стала уже,
И печальна, словно мать,
Что без умершего мужа
Деток будет подымать.

Целый день лениво бродят
Куры вместе с петухом.
Только рад такой погоде
Стодвухлетний дед Пахом.

На бревне, как на крылечке,
Ноги в воду опустив,
Мы сидим с тобой у речки
Под ажурным сводом ив.

И пускай жара лютует,
Всё равно нам хорошо,
Потому что Русь Святую
Мы приемлем всей душой.

И в мороз, и в зной, и в слякоть,
И в любую непогодь
Здесь нам жить, любить и плакать,
Как отмерил нам Господь.

29 декабрь 2005

Рождение в детство

Я бегу, я бегу
Вдоль крутого обрыва,
И в себе берегу
Первозданность порыва.

Семи пядей во лбу,
А глупей жеребёнка,
И бегу наобум
Пятилетним ребёнком.

Под ресницами – резь
От бескрайних просторов.
Перед Богом я весь –
Как пятак на ладони.

И, сломавшее клеть,
От открытости этой
Сердце жаждет лететь
Журавлём над планетой,

Чтобы в жизни большой
О любви прокурлыкать,
И коснуться душой
Иисусова Лица.

Я в себе берегу
Первозданность порыва,
И бегу, и бегу
Вдоль крутого обрыва!

29 декабрь 2005

Предоплата

Порой бывает мерзко так,
Что руки сами землю роют,
И хуже грязного скота
Я сам себе кажусь порою.

Но, даже с мушкой у виска.
Тебя, родная, вспоминаю,
И говорю себе: «Пускай
Меня, как лист фольги, сминают;

На сердце кошки пусть скребут,
И жизнь разит больней кастета, —
Но ты вошла в мою судьбу
Лучом немеркнущего света.

И он с тех пор всегда горит
Среди моей духовной ночи,
И каждый раз животворит,
Когда душа забвенья хочет.

И этой правды не отнять,
Как искромётности у кремня.
И, значит, Бог хранит меня...
«За что?» - я думаю всё время.

Он дал тебя мне как аванс,
Как за работу предоплату,
Как наградной дают приказ
В бой не ходившему солдату.

Я понимаю, что Христу
Я за тебя доныне должен...»
О, дай свершить работу – ту,
Что я свершить обязан, Боже!

31 декабрь 2005

Потаённые места

Я напьюсь из старой крынки
Молодого молока,
Аж, запрыгают искринки
На побелке потолка.

А потом поставлю крынку,
Дух слегка переведу
И на тайную тропинку
Сам с собой гулять пойду.

Заведёт она в такие
Потаённые места,
Где я все мечты откину,
Вспомнив Господа Христа.

Будет пахнуть медуница,
Будет уж в траве шуршать,
И тогда начнёт молиться
Подобревшая душа.

Ну, а плоть, в себя вбирая
Звуки, запахи и цветъ,
Вдруг поймёт всю прелесть рая –
И захочет умереть.

А когда они сольются –
Моё тело и душа –
Я сумею в мир вернуться,
Ибо будет, чем дышать.

31 декабрь 2005

Страшное открытие

Никогда я не буду любимым,
Если сам не смогу полюбить!
Мне об этом сказала рябина,
Когда вздумал её я срубить.

Мне об этом поведала птица,
Что сидела весь день под окном,
Ну, а я позабыл поделиться
С ней, голодной, обычным зерном.

Мне об этом сказала старушка
Худобою дрожащей руки,
Что стояла с протянутой кружкой,
Собирая в неё пятаки.

Мне об этом жена говорила,
Примирайсь со своею судьбой,
Когда совесть меня не корила
В те минуты, что жил я собой.

И ведь в этой своей нелюбови
Я хотел, что б любили меня,
И кусал даже губы до крови,
Когда кто-то за что-то пенял.

Боже мой! Да какие ж глубины
Нужно в сердце мне растеребить,
Чтоб понять: я не буду любимым,
Если сам не смогу полюбить?

31 декабрь 2005

Божий мир

Когда над землёю закружат снега,
Покрыв лепестками небесных соцветий
Покатые крыши, овины, стога,
И эту дорогу, и пажити эти;

А после ударит морозец крутой,
И солнце в распахнутом небе заблещет, –
Тогда я пойму назначенье простой,
Но, может быть, самой значительной вещи.

Тогда я постигну и смысл бытия,
И тайну луча, что согрел подоконник,
И чем отличается крови струя
От струй молока, что стучат о подойник.

Тогда научусь я любить эту жизнь,
Как любят шмели перезревшие вишни.
Тогда закричу я планете: «Кружись!
Кружись, ибо это даровано свыше!»

Тогда я и сам вовлекусь в круговерть
Планеты, снегов и всех Божьих созданий,
И, Бога любя, осознаю, что смерть –
Всего лишь начало иных мирозданий.

31 декабрь 2005

Самое дорогое

Какая страшная судьба –
Без Бога жизнь прожить!
Уж лучше червем быть в гробах,
Чем Богу не служить.

Уж лучше сразу умереть,
Лишь выглянув на свет,
Чем благодати не иметь,
Без коей счастья нет.

А как измерить благодать?
И в чём же её суть?
Она – как путнику вода,
Который вышел в путь.

Пока идёт он вдоль реки,
Не думает о ней,
И лишь в пустыне, где пески,
Вода в сто крат ценней.

Там зной безжалостно жесток,
Там сходит сто потов,
И там за маленький глоток
Отдать он всё готов.

Вот так и Божья благодать –
Её не усмотреть.
Но жить без Бога? Никогда!
Уж лучше умереть!

1 январь 2006

Мера святой чистоты

О, если б я мог тебя видеть такую,
Какой ты явилась от Господа Бога,
Тогда бы я понял, что жизнью рискую,
Касаясь того, что не вправе я трогать.

И вмиг ослеплённый души твоей блеском,
Я мог бы безропотно испепелиться,
И, видимо, было б тогда тебе не с кем
Своей чистотой непорочной делиться.

Я жизнь прожигал в беспробудном разврате,
Душою за собственным телом гонялся,
И даже поверивших мне моих братьев
В своём непотребстве ничуть не стеснялся.

Я думал, что гордость – не признак гордыни,
А только знамение творческой силы.
Но ты мне открыла, как в страшной картине
Всю жгучую грязь, что в себе намесил я.

Ты сделала это без споров и прений,
Без бабьих истерик, что пыток похлеще,
А тем, что была лишь на каплю смиренней
Всех, мною когда-то встречаемых, женщин.

Да, капля одна... но она-то и стала
Той мерой, вобравшей в себя все пределы,
Которая мощно в тебе заблистала
Частицей святой чистоты Приснодевы.

1 январь 2006

Грусть и радость

Опять легла на сердце грусть –
Не боль и не тоска.
Но объяснить я не берусь
Глубинных чувств каскад.

Они слились в один аккорд,
В душе моей звуча.
Не плохо мне – наоборот:
Светла моя печаль.

Как будто дружеский кивок
Согреться мне помог...
Во всей Вселенной – никого;
Один лишь только Бог.

И грустно мне, что в суете,
Почти что каждым днём,
Я забываю о Христе,
О Господе моём.

Но, всё же лик Его храня,
Я радуюсь о том,
Что вечно помнит Он меня,
Зовясь моим Христом.

О, как мне это совместить –
Его и жизнь в миру,
И не терять святую нить,
Пока я не умру?

3 январь 2006

Покой

Мы пойдём с тобой выюжной долиной,
Где ни троп, ни путей, ни дорог –
И в преддверии ноченьки длинной
Мы увидим заснеженный стог.

Разгребу я просторную норку.
Мы туда заберёмся вдвоём,
И натопчем пахучую горку,
Чтоб закрыть в непогоду проём.

Там, снаружи, реветь будет выюга,
И крупа ледяная стегать.
Мы с тобою обнимем друг друга
И забудем про злые снега.

Пусть куранты в ночи не пробьют нам
Дня грядущего новый забег,
Но в стогу ночевать так уютно, –
Как в натопленной жарко избе.

И тогда померещится стог нам
Где найдём мы надёжный ночлег,
Как дарованный Господом Богом
Уносящий нас в Вечность ковчег.

И в бушующем выюгою поле
Мы, сокрытые Божьей рукой,
Обретём неизвестный дотоле –
Хоть на время – желанный покой.

3 январь 2006

После венчания

Мы идём с тобой под дождём,
Взявшись за руки, как детишки.
Мы никак его не переждём:
Пять минут для нас – это слишком.

Капли крупные бьют в лицо.
Но для нас это тоже ново.
На руке твоей блещет кольцо, –
Я таким же кольцом окольцован.

Мы шесть лет с тобой вместе живём –
Пережили такие години!
Но сегодня впервые вдвоём
Задышали мы плотью единой.

Мы сегодня вошли в Божий храм,
Чтоб супругами стать перед Богом:
Только то, что свершилось там,
Осознали мы за порогом.

Встретил мир нас как-то не так,
Что-то в нём навсегда изменилось...
Просто это – законный брак.
Просто это – Божия милость.

Я веду тебя крепкой рукой
Через ливень, сквозь капли тугие.
Ты другая, и я другой!
Нет! Мы вместе теперь другие!

3 январь 2006

Рождество

Закружились в небе блёстки –
Воздух сразу засверкал,
И мороз, по-русски хлёсткий,
Сделал юным старика;

Разрумянил лик старушки,
Раззадорил прочих всех.
И, как ворох свежей стружки,
Захрустел промёрзший снег.

Лёг на стены храма иней –
От стекла не отличить.
И под цвет небесной сини
Стали в кладке кирпичи.

Всё в Рождении Христовом
Обрело свои черты –
От величия простого
До великой простоты.

И, покорствующий сердцу,
На снегу, как чёрный креп,
Приближался я к Младенцу,
Чтоб войти в Его вертеп.

И пытался я осмыслить
Своё место перед Ним:
Душу нёс на коромысле,
Словно воду в дом родни.

Смирна, золото и ладан –
Это всё не от меня.
Но прими меня Ты – ладно? –
Сыне Божий, в радость дня.

6 январь 2006

Твой долг

Я сегодня представил вдруг,
Что тебя на земле не будет,
И куда б не пришёл я, вокруг
Будут только чужие мне люди.

Ну, пускай, не чужие – друзья.
Даже братья и сёстры по духу,
Всё равно меня ночи сразят
Одиночеством, и – я потухну.

Я погасну свечёй на ветру,
Я иссякну, как в хворосте соки...
Я прошу тебя, милый мой друг,
Не оставь меня здесь одиноким.

Без тебя я подобен бойцу,
У которого враг – даже с тыла.
Без тебя мне и жизнь не к лицу,
И любая победа постыла.

Если вправду ты любишь меня,
То моли Всемогущего Бога,
Чтобы жизнь Он твою не отнял
И, хотя бы, до срока не трогал.

Но отмеченный Господом срок –
Это долг мой, которым я связан:
Словно заданный на дом урок,
Я его отработать обязан.

А когда я исполню сполна
Всё, что должен под сенью земною,
Пусть я первым уйду, как волна
В океан... А ты – следом за мною.

6 январь 2006

Прорыв из уныния

Отчего мне так плохо, Господи?
Видно, снова я много грешил, –
Снова душу свою я нёс, поди,
Там, где воздуха нет для души.

Задохнулась она там, бедная:
Полной грудью не может вздохнуть,
И теперь, вот, стоит, не ведая,
Как найти ей потерянный путь?

Я прошу Тебя, Бог мой, выведи
Мою душу из затхлых нор, –
Пусть она, как пуля на вылете,
Обретёт искромётный простор;

А потом пусть горячим трассером
Устремится в победный рассвет,
Чтобы небо её окрасило
В голубой Богородичный цвет.

Не хочу, чтобы было мне плохо так
В тишине, где с Небес не трубят:
Тишина эта хуже грохота,
Ибо в ней я не слышу Тебя.

До конца да буду отныне я
Верой в помощь Твою гореть!
Ты спаси меня от уныния,
Потому что уныние – смерть.

15 январь 2006

Чудо вымоленного дождя

Дождик, землю кусая,
Тишиной завладев,
Словно стенка косая,
Наклонился к воде.

И, собою любуясь
В неподвижной реке,
Он дождинку любую
Нёс, как жемчуг в руке, —

Нёс, по прихоти некой,
Вдоль прибрежных осок,
Орошая не реку,
А на плёсах — песок.

А за ними — безродный,
Всеми брошенный луг,
А за ним — огороды
Деревенских старух.

Так был нужен им дождик,
Чтобы всходы взошли,
Как здоровые дрожжи
Для хорошей квашни.

Долго бабки молились,
И чрез несколько дней
Воды неба пролились
Там, где было нужней...

Боже, как бы хотел я,
Чтобы так же прошёл
Дождик Твой не над телом,
А над грешной душой.

15 январь 2006

Вечности залог

Не говори мне никогда: «Прощай».
Не потому, что это слово режет,
А потому, что болью трепеща,
Оно похоже на зубовный скрежет;

На тот библейский выморочный звук,
Пронзающий до дна глубины ада,
Когда на лоно бесконечных мук
Во внешний мрак ввергается неправда.

Нет в мире слова лживей, чем «прощай» -
Оно прошито клеветой на Вечность.
Оно, как смертоносная праща,
Разит не человека – Человечность.

И я с тобой прощаться никогда
Не буду... Даже в тот промозглый вечер,
Когда придут к концу мои года,
Я тихо прошепчу тебе: «До встречи»

А ты склонишься молча надо мной,
Рыдание молитвой пересилив,
Чтоб навсегда остаться мне женой, –
И станешь вдруг моложе и красивей.

И в том преображении своём
Ты явишься Божественным залогом,
Что мы навстречу Вечности вдвоём
Пойдём, неразделимые пред Богом.

18 январь 2006

Право на мужа

Прошу тебя об одном:
Не оставляй меня,
Даже, когда на дно
Бесы меня сманят;

Даже, когда взхлёб
Стану я матом крыть;
Даже, когда свой лоб
Не захочу крестить;

Даже, когда во блуд
Ввергнушь всему вопреки,
И распоследний плут
Мне не подаст руки.

Даже, когда, грубя,
Сам тебя буду гнать.
Я умоляю тебя:
Будь мне жена и мать!

Выстои до конца
В жалости и любви,
И не снимай венца,
Слёзы сокрыв свои.

В ночь проникают лучи,
Чтоб она стала днём, –
Мужа нельзя получить,
Не растворившись в нём.

Но, растворяясь во мне,
Будто начаток дня,
Даже на самом дне
Ты освящаешь меня.

18 январь 2006

Сквозь ураган

Я выхожу на перепутье –
Ревёт житейский ураган:
Он не даёт передохнуть мне,
Разит, как личного врага.

Накатом прёт бесовский ветер,
С собой несёт за страстью страсть:
Его напор лицом не встретил –
Рискуешь тут же в грех упасть.

А он, подлец, не дует прямо,
Он достаёт со всех сторон.
Отбился слева я – он справа
Наносит страшный мне урон.

Отбился справа я – он мигом
Меняет курс и в спину бьёт.
Так и верчусь по жизни бригом,
Попавшим в злой водоворот.

Но, как бы ни было, я всё же
Пытаюсь плыть туда, где цель,
Где ждёшь меня Ты, Христе Боже,
С улыбкой светлой на лице.

И пусть скрипят опасно мачты,
Я слышу голос Твой: «Держись!
Страдай, стони от боли, плачь ты –
Но только так обрящешь жизнь».

...Корабль с надёжными снастями
Везёт алмазы, а не рис...
Кто не боролся со страстями,
Тот не поймёт их тайный смысл.

21 январь 2006

Одиночество

До чего же природа пуглива...
Тихо сосны стоят в сосняке,
От безветрия притихшая ива
Тихо-тихо склонилась к реке.

Не вылазят лягушки на плёсы –
Не тревожат вселенский покой,
Только редкими каплями осы
Пролетают над сонной рекой.

Так давай же войдём, дорогая,
Под чарующий свод тишины,
Точно так же её не пугая,
Словно в гости к ней приглашены.

Мы пройдем по затихшим тропинкам,
По неслышимым хвойным коврам,
Собирая в себе по крупинкам
Суею разрушенный храм.

Мы с тобой растворимся в покое,
Ощутим одиночества вкус, –
И познаем: *что* это такое?..
И поймём, что всё в мире – искус.

Одиночество – дар нам от Бога,
Ибо с Богом лишь наедине
Человек привыкает не трогать
То, что зреет в его глубине.

И живёт он, в себе сберегая
Этот плод от убийственных глаз...
Дай мне руку! Пойдём, дорогая,
В Царство Божье, сокрытое в нас.

24 январь 2006

Дорога судьбы

Как паркетный пол, блестит
Старая дорога –
Не сумеешь наместить
И снежку немного.

Утоптали её так,
Что ровней Бродвея.
Превратился старый тракт
В гладкую алею:

Ни ухабов, ни щербин,
Ни других отметин –
Только кистями рябин
Отраженье светит.

Так и я, как этот путь,
Вытоптан до блеска.
Эх, сейчас бы мне свернуть
В лоно перелеска,

Чтоб от ног и от подков
Чащи оградили.
Но нельзя... удел таков –
Чтоб по мне ходили.

Чтобы шла по мне гурьба
И зимой, и летом...
Вот такая вот судьба
Русского поэта.

24 январь 2006

Ты моё покаяние

Летели уставшими птицами
Вдоль Вечности серые дни.
Придуманными небылицами
В то время рождались они.

И в их затуманенной небыли
Я жил, как в потоке бревно:
Земные просторы ли, небо ли –
Мне было тогда всё равно.

Ещё бы мгновенье, и мимо я
Всей жизни своей пролетел.
Но встретил тебя я, любимая,
Как луч маяка в темноте.

Аккордом Божественной арии,
Что гонит безумие прочь,
Пронзили глаза твои карие
Мою однотонную ночь.

И сразу открылось мне многое,
Как будто рассеялась хмарь.
А главное: то, что у Бога я –
Не самая падшая тварь.

Вошёл я в пространства бескрайние,
Тобой победив миражи.
Теперь – ты моё покаяние
За всю мою мёртвую жизнь.

27 январь 2006

Истинная любовь

О, если б так любил я всех людей,
Как я тебя люблю, моя родная,
Тогда в груди измученной моей
Растаяла бы корка ледяная.

Тогда б сошли с души моей снега,
Открыв наверх тропу к Фаворским кущам;
Тогда б я песни дивные слагал
Всем миллиардам, на земле живущим.

Господь через тебя мне показал,
Что есть любовь Божественная в мире,
Но дух во мне грубее, чем кирза,
И совесть тяжелей чугунной гири.

Единственно, на что способен я:
Любить тебя – одну из всех созданий,
Один глоточек в море бытия,
Одно мгновенье вековых страданий.

И, всё-таки, как парус кораблю,
Мне так необходима эта правда, –
Пускай я лишь тебя одну люблю,
Зато познал, как всех любить мне надо.

И я не обольщаюсь на свой счёт,
Когда иду к церковному порогу,
Но понимаю: сколь далёк ещё
От истинной любви, угодной Богу.

30 январь 2006

Верный раб

«В чём любви человеческой суть? –
Вопрошают иные беспечно. –
Ведь когда-то закончится путь,
Ведь ничто под луною не вечно».

Не пойму я, при чём тут луна?
Под луною, конечно, всё тленно.
Для того нам любовь и дана,
Чтобы выйти из лунного плена;

Чтоб войти в лучезарный простор,
Под сияние Вечного Солнца,
Испытав тот вселенский восторг,
«Тайной брака» который зовётся.

Мы-то знаем, родная, с тобой:
В этом мире, подобном острогу,
Ничего нет ценней, чем любовь,
Ибо это – тропиночка к Богу.

А когда призовет нас Господь
В те края, где греховность не душит,
Мы оставим земле свою плоть, –
И сольются в одну наши души.

Пробежав по небесным лугам,
Неделимые даже в немногом,
Как таланты принесший слуга,
Мы предстанем пред Господом Богом.

Возвратим Ему всё, что Он дал,
Чтоб услышать нам слухом единым:
«Верный раб, ты удвоил мой дар –
Так пребудь со своим Господином»

31 январь 2006

Основа жизни

Века сквозь тело моё текут,
Мелькают светом полных станций, —
Я сотни раз на своём веку
В любом из них рисковал остаться.

И в каждом столетии я находил
Свой жизненный след, что за болью был
спрятан;
Дорогами каждого я проходил,
В пути оставляя кровавые пятна.

Росток превращался в раскидистый дуб,
И реки порой свои русла меняли,
Стирался в труху свежеструганный сруб,
А с ним и поделки из кованой стали.

Менялась одежда и, даже, язык,
Но, жизнь изучив на своём же примере,
От юфтевой кожи до грубой кирзы
Я всё на себя за столетья примерил.

Все десять веков воплотились во мне
Всей памятью предков, их потом и кровью.
Запомнил я иноходь ратных коней
И неторопливую поступь коровью;

Запомнил я запах бивачных костров
И приторный запах неприбранных трупов,
И скорбные рощи могильных крестов,
Сработанных прочно, хоть наспех и грубо.

Как много приходится в сердце носить
И вписывать строчки в духовный пергамент, —
Но если не вымостить этот настил,
Проломится жизнь, будто лёд под ногами.

12 апрель 2006

Животворящая боль

В сердце будто удар нанесён
Изловчившимся вражеским воином –
И оно разрывается всё
На куски в биоритме удвоенном.

Это боль обожжённой души,
Это страшная боль покаяния, –
И ничем её не заглушить,
Не забыть, не предвидеть заранее.

Налетает она, словно вихрь,
И, как в небе сверкнувшая молния,
Рассекает меня на двоих,
Чтоб себя, почерневшего, помнил я.

Тот другой, что похож на меня
И обличем своим, и повадками,
Сотни раз мою душу менял,
Увлекая соблазнами сладкими.

И ему покорялась душа,
Становясь не такой, как ей хочется.
А ему даже грязи ушат
Нипочём – он от хохота корчится.

Только он – это всё же не я,
Коль другие во мне ощущения.
Он противен мне, точно змея,
И за дружбу с ним нет мне прощения.

Он во мне поселился как тролль
Со своими замашками хамскими, —
Но покуда жива моя боль,
Нам не стать близнецами сиаемскими.

15 апрель 2006

Последнее желание

Не оставляй меня, о Боже!
Не дай мне просто умереть.
Не попусти на смертном ложе
В глухом беспомыслии сгореть.

Но дай, прошу, мне смерть такую,
Где болевой не свяжет шок...
Я каждый грех свой упакую
И уложу в один мешок,

Чтобы душа моя нагая,
Стремясь к прозрачности стекла,
От веса их изнемогая,
К Тебе мешок приволокла.

Пускай она его развяжет,
Найдёт младенческую ложь,
Такую мелкую, что, даже,
Её грехом не назовёшь;

Перед Тобой её положит,
И по порядку так – до дна! –
Достанет всё, и скажет: «Боже,
Теперь грехами я бедна».

Но, чтобы так с душой случилось,
Ты не оставь меня и впредь,
И в смертный час яви мне милость:
Дай в покаянье умереть.

15 апрель 2006

Три ступени на Голгофу
или
Вечный Воин

(поэма)

Ступень первая: Рим

I

Помню себя только воином. Во все времена.
Память моя не опускается в душу раба.
Но и душа патриция для меня во мраке.
Я воин по предкам.
С древних времён сущность моя
остаётся прежней, только чувства
уплотняются.
Я помню мало, но ярко.
Такие молнии рассекают мозг. Причиняют
боль.
Но заставляют быть тем, кто я есть.
Это тяжело. Это снимает любую тяжесть.
Я порой сопротивляюсь памяти.
Но помню. Помню!

Рим!

Ослепительны доспехи. Пружинят икры.
Управляема каждая мышца.
Могу сорвать птицу с ветвей!
О щиты бряцают мечи. Нас – тысячи.
Мы приветствуем тебя, легат!
Твой голос тонет в звоне ликований.
Ты можешь говорить, что угодно.
Наша вера в тебя оправдает всё.
Ты нужен нам, как мы – тебе.
О, мой легат!

Помню.

Я воин. И философия война довлеет надо мной:

Лучшая пища – мясо. Лучшее питьё – вино.

Лучшее наслаждение – женщина.

Это – первопричина.

И над всем этим – бой!

Как следствие, вытекающее из причин.

Помню!

Я груб и необуздан.

Меня возбуждает тело хорошего коня.

Дорогое оружие опьяняет взгляд.

Я люблю детей. Когда заживают раны.

Я сентиментален. Особенно в дурмане

пиров.

Я восторгаюсь, когда говорят поэты.

Я верю им – не всё же драка.

Да. Любовь – изысканная утончённость.

Но... заныла рана.

Обаяние любви? Ложь!

О нём поют голые мальчики.

Я знаю любовь!

Она – страсть. Дикая. Человеческая.

Она – в свете искр, что высекают клинки.

Помню!

Горячий, врываюсь в шатёр.

Блеск меча – кто-то падает у входа.

И вдруг – глаза, как дротик о шлем.

Женщина!

Рабыня!

Царица!

Дрожит крупно и гордо! Она – моя!

Уверенно рву покровы. Божественная
красота!
Крепкие соски плющат бронзу на моей
груди.
Колючая кожа стирает кровь с ладоней.
Женщина! Ты будешь матерью воина.
Я дарую тебе эту честь. Живи.

Какая свалка! Я должен быть там.
Какофония цвета: алое с золотом.
Где свои? Где враги?
Ха! Свои отпрянули. Знают!
Синий диск рассекает воздух.
Вот это вдохновение!
Плевать на поэтов. Им не понять.
Меня. Человека.

Помню.
Я не люблю кровь. Но легко проливаю её.
Свою и чужую.
Чью легче? – трудно сказать.
Но после боя у меня нет ненависти к врагу.
Нет и жалости.
Скорее недоумение: как всё просто.
Я уважаю того, кто нанёс мне рану.
Я заранее люблю того, кем буду убит.
Я воин по состоянию души.
Я зверею только в достойном бою.

О, поэзия смерти!
Меч невидим, как звенящая струна лиры.
Мгновение, – нет!
Мгновение, – снова нет!
И в каждом мгновении – вечность.
И в каждом вдохе – весь воздух.

Жизнь – на острие.

Сотни, тысячи ударов меча – сотни, тысячи
жизней.

Моих жизнью.

Да простят мне боги такое бессмертие!

Я был убит красиво.

Помню!

Бьюсь левой рукой. Правая саднит – ранена.

Смотреть некогда.

Удар! – отбит.

Удар! В мягкое. Снова – в мягкое.

Сбиваю с ног убитого. Падай скорее. Времени
мало.

Вперёд! Вперёд!

Солнце сытой пиявкой обвисло над горизонтом.

Как прекрасно это светило! Оно – оно
последнее.

С утра – легион. К полудню – когорта.

И вот всё, что осталось – манипул.

Но такой манипул стоит легиона.

Он и есть легион. В чистом виде. Лишнее
отсечено.

Ха! Пир только начинается.

Мы окружены. Мы умрём.

И потому не рвут душу сомнения.

Всё ясно. Первый раз в жизни: всё ясно
до конца.

Звёздный час!

Теперь я помню, куда пробиваюсь.

Легат жив. Он обязан жить. Он умрёт
последним.

Я буду рядом. Я нужен ему, как он – мне.

Легат умрёт последним. Так надо.

Вот он! Кумир! Ни крупицы золота на нём.
Стёсано топорами варваров.
Лицо в крови. Страшен, как лев. Ловок, как барс.
Бьётся, как простой воин.
Мы были на равных – теперь мы равны!
О, мой легат! Мне никогда не дорасти до тебя.

Озверевший варвар продирается
сквозь строй;
тяжёлое копьё пружинит в сгустке мускулов;
его наконечник жрёт пространство между
собой и грудью легата. Ещё мгновение и...
Между ними успеваю бросить своё тело.
Какой удар!
Последняя вспышка памяти.
Край знакомого плаща протекает по моим
глазам,
и мир тонет в красном.
Легат переступает через мой труп.
Он уводит за собой живых.
Дальше!
Вперёд!
Бой ещё не кончен.
И не кончится. Для меня.
- Я приветствую тебя, мой император!
Рим – вечен!
Я – помню. Я – знаю. Я – спокоен.

*Предвкушать виноградные грозди...
И босыми ногами
Бояться колючек и гравия...
И на звёзды глядеть, как на звёзды...
И по травам идти, как по травам...*

Боже!

Это ведь рядом со мной.

И во мне.

И за тем горизонтом!

О, прости мне один только грех –

Оборву этот миг,

и уже не померкнет он...

А позволишь мне смерть выбрать –

Попрошу быть распятым

на крыльях

парящего беркута.

...или вовсе не умирать...

II

Ну, вот, оцепление снято...
Скомандовал центурион,
И вновь по дороге проклятой
Пошли мы под ругань ворон.

Железного панциря гофру
Я чуял, как рёбра гвоздя,
Когда покидал я Голгофу,
В казарму свою уходя.

Как будто бы грудь не вмещалась
В подогнанный плотно доспех;
И сердце уже не прельщалось
На скорый карьерный успех.

Всё то, чем я жил ещё утром,
Что было дороже всего,
Мгновенно рассыпалось пудрой
Под взглядом коротким Его.

На миг, на секунду, не больше,
Увидел я Эти глаза, –
Но словно бы дротик был брошен
И насквозь меня пронизал.

Кто Он, Тот, Кого мы распяли?..
Вернее, не мы, а все те,
Которых – да если бы дали! –
Я сам бы распял на кресте.

Да, был я в той проклятой страже.
Что делать? – я только солдат.
И всё-таки, кто мне расскажет,
Кого мы распяли тогда?

Ответь мне, народ этот падший,
Ответь мне, мой центурион:
Кто Он, на кресте умиравший,
Мне душу пронзивший – Кто Он?!

III

Друзья, встречайте ветерана!
А ты, сынок, отца встречай.
Прижмись к моим ребристым ранам:
Вот – от копья, вот – от меча.

Я отслужил. И Рим, и Цезарь
Довольны мной. Всё! вышел срок
Носить мне ратные железа.
Мы заживём с тобой, сынок!

Жаль только, мама не сумела
Дожить до этого вот дня...
Ну, ничего, ты парень смелый.
И ты остался у меня.

Давай присядем... Как солдаты
Поговорим с тобою, сын.
Хочу, чтоб прежде всех, узнал ты,
Что твой отец христианин.

Не бойся, сын. Всё то, что в Риме
Тебе твердят про христиан,
Давай с тобою мы не примем,
Как самый яростный обман.

Я видел их. В бою и в жизни.
В парадных латах и без лат.
Народу Рима и Отчизне,
Поверь, нет преданней солдат.

Сынок, да разве тебе мало
Того, что я из их числа?
А мама?.. Да, конечно, мама
Крещённой, как и я, была.

Не торопи меня – не стоит:
Всё расскажу тебе, мой сын.
Я знаю, будешь ты достойный
И воин, и христианин...

Я, рождённый быть первым в бою
И последним на рабских галерах,
Принимаю я веру твою,
И отныне – моя это вера!

...Ночь безумства прошла.

Успокоилась в поле цикада.

Незаметно в молитву

в душе переплавился стон.

Я люблю тебя, Юлия, –

вот она, высшая правда.

Христианский Господь,

Принимай меня в Свой легион!

V

Ревут трибуны Колизея,
Плебейскую разинув пасть:
Народ шалееет от везенья.
Что удалось сюда попасть.

А мы стоим, вокруг арены
Когортой выстроив заслон.
И давит на уши презренный
Народа вожделенный стон.

Вот Цезарь вышел: рёв смолкает.
А у меня в глазах туман...
Вот гонят, древками толкая,
Колону первых христиан.

И снова – рёв, раскаты смеха,
И улюлюканье, и вой...
И начинается потеха
Безумной похоти людской.

Мечи убийц скользят по горлам
И вспарывают животы,
По спинам и по бёдрам голым
Плетут кровавые жгуты.

Я не могу!.. На многих войнах
Я видеть кровь привык в бою...
Но почему же так спокойно
Они встречают смерть свою?

Мужчины, женщины, девицы
Стоят с улыбкой на устах.
Как мне, солдату, не удивиться
На этих «воинов Христа?»

Каков тогда их Бог незримый,
Когда они Ему сродни?
Я, урождённый воин Рима,
Я должен, должен быть среди них!

Мой меч, ремни доспеха взрезав,
У ног моих в песке дрожит –
Я возвращаю тебе, Цезарь,
То, что тебе принадлежит!

Ведь духом всё равно я с ними:
Я смерть хочу перебороть.
Я к ним иду... Быть может примет
Меня в солдаты их Господь.

VI

Над Римом горят звёзды,
Как угли на пепелище...
И первый мой путь пройден:
Последний динарий роздан
Сегодня последним нищим.
Мой Бог! Я теперь свободен.

Но только свой крест на плечи
Никак не сумею взять я:
Вмещается он в ладони,
Хотя от того не легче.
Вот крест мой! – он в меч рукоятью
Впрессован. Я просто воин!

Прости мне, Христос, прости мне:
Другому я не обучен,
Как пёс, что следа не бросит.
Но дай к Тебе донести мне
Душу свою, как лучник
Стрелу к тетиве доносит –

С единственной в сердце надеждой:
Чтоб цели она достигла,
А не пролетела мимо.
Не нужно мне жизни нежной,
Пускай она терний иглы
Вонзает в солдата Рима.

С души моей, грязной, скверной,
Сотрут они злую повесть
Ненужных убийств и оргий...
Я буду служить Тебе верно,
Я буду служить на совесть,
Но только спаси меня, Бог мой!

VII

Уведи меня, уведи
От кровавых, постыдных оргий,
От орущих в безумном восторге,
От глядящих осколками льдин.
Я хочу, чтобы образ Твой строгий
Был мне медным щитом у груди.

Полыхают живые костры —
Это братья мои умирают
И уходят в обители рая,
Что до них пребывали пусты.
Я, конечно же, всё понимаю,
Но... горят смоляные костры!

На доспехах их блики дрожат,
Будто кровь по железу стекает.
А в душе безнадежность такая, –
Будто в сердце обломок ножа,
Или кто-то мне в горло толкает
Заскорузлую кожу ежа.

Обезумел наш цезарь Нерон...
Как мне быть? Научи меня, Боже!
Я солдат, я служить ему должен:
Он – мой Рим! Император мне он...
Но ведь я же служу Тебе тоже!
Вы стоите с двух разных сторон.

Не прикажешь: «Ряды свои сдвой!»
Не прикроешься волей легата...
Только чьим бы я ни был солдатом,
Всё же, воин я, Господи, Твой!
Стон стоит над пылающим садом, –
Ухожу я в последний свой бой.

Я хочу быть с Тобою вдвоём.
Я чужие доспехи снимаю,
Добровольно свой крест принимаю,
Исповедуя имя Твоё.
И распятием рук обнимаю
Своё новое бытие.

VIII

Воины Рима! Солдаты Империи!
Верные слуги народа и Цезаря,
Сколько мы с вами дорог перемеряли?..
С детства дорогами этими грезил я.

Время пришло, – и облёк я доспехами
Тело своё, до служенья дозревшее.
Стали с тех пор на пути моём вехами
Злые костры, на привалах горевшие.

Шёл я свободно в любые сражения –
Радость влекла меня, ими даримая.
Плоть свою, как на алтарь всеожжения,
Бросил к подножию Вечного Рима я.

В землю мы падали жаркими искрами,
Кровью своей зажигая Вселенную.
Даже в безумии были мы искренни,
Жизнь не щадя, как наложницу пленную.

И не нужна была личная слава нам,
Если Империей слава не ведана.
Жизнь поверялась единственным правилом:
Быть до конца Императору преданным.

Над племенами, народами, странами
Нас поднимала не сила, а миссия.
И потому так легко христианами
Делались мы, поступаясь компромиссами.

Слуги Христовы... Солдаты Империи,
Внуки и правнуки воинов древности,
Путь начинавшие в диком безверии, –
Веру впитали мы фибрами верности.

IX

Огромен вражеский стан,
Грозно стоящий напротив,
А нас – 600 христиан
В нашей казнимой когорте.

Нас бросили в этот бой
За то, что мы христиане.
Для всех нас общей судьбой
Судьба этой схватки станет.

Как в цирке, на смех, на показ,
Наша когорта казнима.
Ну, что же: достойная казнь
Придумана воинам Рима.

Стоит на холмах легион –
За боем следит оттуда.
Веди нас, центурион!
Пусть видят они это чудо.

Каждый исполнит свой долг
Воина-христианина.

Жди нас, наш Истинный Бог!
Грехи перед смертью прости нам.

Я знаю: нас скоро сомнут.
Но рядом со мной мои братья,
И ради этих минут
Готов от восторга орать я.

...Тяжёлый фракийский меч
Выводит кровавую метку –
И панцирь не в силах сберечь
От раны грудную клетку.

Но рана в таком бою
Сама по себе награда.
А главное: я в строю,
И большего мне не надо.

Мы выдержим этот искус.
Мы выполним эту работу.
С улыбкой глядит Иисус
На нашу святую когорту.

Х

Римский патриций, любимец когорты,
Воин по сути, а не на показ, –
Кто Он, распятый Твой Бог, за Кого ты
Ныне идёшь на позорную казнь?

Разве не мог ты смолчать перед строем,
Не открывая сердечных глубин?
Всякий ответ бы легата устроил
Кроме ответа: «Я – христианин!»

Лучше б лежал ты сейчас без движенья,
Павший в бою, со стрелой в груди.
Ты же водил нас в такие сраженья!
Ты же в такие нас битвы водил!

Слышишь приглушенный стон над когортой? –
Тяжко тебя нам на казнь провожать.
Что же тебя не помиловал Бог Твой?
Что же позора не дал избежать?

Но почему с таким жгучим восторгом
В небо глаза твои жадно глядят?
Даже из душ наших радость исторгнул
Этот святой, непонятный нам взгляд.

Преданность можно ли чем-то измерить?
Жизнь за тебя положил бы любой...
Мой командир! я привык тебе верить.
Я и сегодня иду за тобой.

Я становлюсь с тобой рядом, бок о бок,
Так же, как ты, исповедав Христа:
Ты не один – мы умрём с тобой оба,
Перед Христом твоим вместе представ.

Что это?.. Будто потоком из грота
Вздыбился медный раскат за спиной –
Вышла из строя всем строем когорта,
Встала в шеренгу за мной и тобой.

Господи! Господи! Вот оно, Это! –
То, для чего я родился и рос.
Свет! Это Свет! Ничего, кроме Света!
Я припадаю к Тебе, мой Христос!

XI

Я видел Её! Видел!
Я выплавлен в Ней, как руда.
Не в силах Гомер и Овидий
В словах Её лик передать.

И я не дерзну... Будто камень –
Любое касание слов.
Я просто вошёл в Её пламень,
Как входит в глубины весло.

И сразу души моей кратер
Стал тихо светить, как маяк.
И понял я: Божия Матерь –
Такая же Матерь моя.

И сразу под тяжким доспехом
Мне стало тепло и легко...

Я к дому Апостола ехал,
Незримой Любовью влеком.

Но в горнице у Иоанна
Узрел я Любовь во плоти...
Какой искупительной раной
Мне эту Любовь оплатить?

Пречистая и Преплагающая...
О Боже, сколь беден язык!
Я к этим словам прилагаю
Свидетельство первой слезы.

В том доме я плакал впервые,
Как мальчик... Я, римский солдат,
Забыв про рубцы боевые,
Рыдал, – и впервые был рад

Тому, что я мягок на деле,
Что часть меня, всё же, чиста...
А сквозь Её очи глядели
Глаза Её Сына – Христа.

ХII

Тяжёлой походкой легионера,
Чьё тело – сплошной огрубелый шрам,
Входила мне в сердце святая вера,
И сердце моё превращалось в храм.

Не буду лукавить: мне было не просто
Как Бога принять Иисуса Христа.
И если б не Пётр, Его первый Апостол,
Наверное б, я вашим братом не стал.

Я даже скрывать перед вами не буду
Того, что я сам христиан убивал.
Да если собрать все грехи мои в грудку,
Получится выше, чем лагерный вал.

Но встретил Петра я... и тьма поредела...
Да кто это выдумало, что он рыбак?
Какой нужен ум, чтобы смочь переделать
Таких вот, как я, заскорузлых рубак?

Что было потом?... Не сказать мне словами.
Ломало меня, как бурьян на ветру.
И переломало... Сейчас рядом с вами
Ещё один брат ваш, ещё один друг.

И сердце моё наполняется светом
От мысли одной, что я с вами молюсь.
Ликует всё тело моё, и при этом
Я плачу – смотрите! – и слёз не боюсь.

И братьям моим, тем, замученным мною,
До сладостной боли завидую в том,
Что страшно мучительной смертью земною
Стяжали бессмертие перед Христом.

ХШ

Прощай, любимая, прощай.
Не говорю тебе: «До встречи».
В последний раз мой путь отмечен
Крылом походного плаща.

В последний раз наш тихий двор
Услышит звук моей походки
И наш, всегда такой короткий,
Такой извечный разговор.

«Я буду ждать! Я буду ждать!» –
Твердят твои глаза и руки,
И перед пыткой разлуки
Не мне тебя разубеждать.

Но только знаем мы с тобой,
Что в жизни каждого солдата
Он всё же должен быть когда-то –
Тот самый главный – смертный! – бой.

И вот я чувствую: грядёт
Тот бой. Он с каждым вздохом ближе.
И цель моя теперь – не выжить,
А умереть, идя вперёд.

Не принимает гордый Рим,
Погрязший в пьянстве и разврате,
Той правды, что в его солдате
Не он – Христос боготворим.

Ну, что ж... твой воинский устав,
Великий Рим, я не нарушу.
Отдам тебе я жизнь, но душу
Я понесу к ногам Христа.

Жена моя! слезой любви
Благослови меня в дорогу,
Не в бой ведущую, а к Богу –
На смерть меня благослови.

Прощай, любимая, прощай...

XIV

Намотав на кулак свою волю,
Как узду боевого коня,
Я бродил по кровавому полю,
Свою душу в земле преклоня.

А земля – будто гравий из ступы;
И лежали вповалку на ней
Трупы римлян и варваров трупы
Вперемешку с телами коней.

Запах пота и приторный запах
Крови, только что пролитой здесь,
Поднимался на раненых лапах
К разгоравшейся первой звезде.

Поле боя... Отныне и вечно
Быть ему таковым среди скал...
Я добрался до цели конечной.
Я нашёл, что так долго искал.

Здесь, где вросшие в землю граниты –
Как обломки разрушенных стен,
Ты меня ожидаешь, убитый
Друг мой лучший, мой брат во Христе.

Мы в бою не успели проститься.
Просто некогда было. Прости!
Только дал мне Господь возвратиться,
Чтобы тело твоё погребсти.

Я колючие комья сгребаю –
Слава Богу, клинок мой остёр!
Я тебя прямо здесь погребаю.
Я тебя не отдам на костёр.

И сегодня ты ляжешь не в пламень,
А в могилу, как воин Христа,
Чтоб, когда Он вернётся за нами,
Ты из праха земного восстал.

Ты, за веру оплётанный в Риме,
Здесь исполнил свой воинский долг.
Я надеюсь, я верю, что примет
Тебя в Царство Небесное Бог.

XV

Луна тяжёлая, как щит,
На искалеченном плече,
Встаёт над полем, и трещит
Цикада – спутница ночей.

И треск цикад, и блеск луны,
И холод грунта на щеке,
И сладкий привкус белены
На закосневшем языке;

И раны на моей груди
Губами двух голодных ртов
Пророчат смерть мне впереди...
Я к этому давно готов.

Я не жалею ни о чём:
Я убивал, и вот – я сам
Сражённый вражеским мечём
Лежу, открытый небесам.

Прости меня, мой Бог, прости,
Но не за то, что я, солдат,
Упал в траву на полпути
Ведущему в Эдемский сад.

А Ты за то прости меня,
Что даже этот краткий путь
Я часто на тропу менял,
Чтоб с Твоего пути свернуть.

Страшна не смерть: она в бою
Для воина – бесценный дар.
Страшнее жизнь прожить свою,
Как нанесённый вскользь удар.

Я оставляю свою плоть.
Я уйду к Тебе, мой Бог.
Прости меня за всё, Господь!
Ведь я любил Тебя, как мог...

XVI

Укрывает туман землю
И ползёт по кустам низкорослым.
И ложатся густой зернью
На железо доспехов росы.

Камнем тонут в тумане звуки,
Чуть вздымаясь над головами,
И уже не страшны луки
С отсыревшими тетивами.

И ладони моей скользко
На ребристом боку рукояти...
Знаю, там, за туманом – войско,
И его за глаза нам хватит.

Знаю так же, победа будет,
Как была она всюду, за нами, –

Здесь навряд ли народ забудет
Легиона нашего знамя.

Я привык выходить из битвы
Невредимым, как в медном покрове.
Но сегодня туманы облиты
Не зарёй, а лучами крови.

Ничего они не пророчат:
Я не верю пустым приметам.
Просто, сердце уже не хочет
Убивать, не страдая при этом.

Я прошу Тебя Господи, дай мне
Там, где небо от крови рябое,
Прикоснуться к последней тайне –
К тайне смерти на поле боя.

Дай мне стать под смертным ударом,
И за миг до того, как упасть мне,
Дай любовью к врагу, как пожаром,
Выжечь в недрах души все страсти.

А иначе зачем всё это:
Жизнь по пояс в чужой крови,
Если всё не закончится Светом
Безграничной Твоей любви?

XVII

Во чреве твоём тихо дышит дитя —
Плод нашей любви благодатный.
А дни, будто птицы на север, летят,
Уходят, как в битву солдаты.

Родная, немного уже этих дней
Отмерено нашему счастью.
Уйду я на смерть, и предстану пред ней,
Влеком императорской властью.

И если назад мне прийти не дано
(Прости, что от слов моих больно),
Ты нашему сыну скажи лишь одно:
Отец его умер достойно.

А если он спросит: «Кем был мой отец?» —
Ответь ему: «Был он солдатом,
Невидимым сердцем в когорте сердец,
Стучать переставших когда-то».

Ещё ты скажи, что не воле богов,
Но воле Единого Бога
Внимал он, разя только сильных врагов,
А слабых и пленных не трогал.

А так же скажи: «Император и Рим
Могли на него положиться.
И был он до времени Богом храним,
Как в небе летящая птица».

Вложи ему в душу от веры ключи
Душой своей, чистой и тонкой...
А, впрочем, родная, давай помолчим,
Послушаем сердце ребёнка.

XVIII

Мы мерили жизнь, как алмаз, на караты,
Как воду в пустыне её экономя...
Мы, воины Рима, – простые солдаты
От кроны своей и до самого комля.

Мы гордо ступали на землю Вселенной,
Не ведая страха в своих легионах,
И нам представлялась навеки нетленной
Орлиная стая на наших знамёнах.

Привыкшие к славе, как дети к игрушкам,
Не поняли мы, что душою прокисли,
И стали терять по пирам и пирушкам
Кристалльную цельность поступка и мысли.

Мы нашим богам доверяли всецело,
И вроде бы к нам благоволили боги, –
Но жизнь постепенно сбивалась с прицела,
Мотаясь по ветру, как рваные тоги.

И всюду, куда бы мы ни приходили,
Мы видели точно таких же кумиров,

Каких мы и сами себе возводили
На торжищах Рима – властителя мира.

Нам нужен был смысл, как дыханию – воздух,
Как жажде – вода, как безумию – разум.
Но в свитке небес, в иероглифах звёздных
Для нас ничего не менялось ни разу.

И всё же она загорелась однажды
Двойным перекрестьем Вселенского плюса
И стала для нас утолением жажды –
Звезда Вифлеема, Звезда Иисуса.

Она поднялась на чужом небосклоне,
Но Свет её вспыхнул над храмами Рима,
Когда перед Богом в глубоком поклоне
Стирали мы с душ слой последнего грима.

Дрожали кумиры, когда мы решали
Страданием плоти отвергнуть утехы...
И разум вернулся, и мы задышали,
Сменив на небесные ризы доспехи.

XIX

Трупы римлян – одеты в металл.
Трупы варваров – в латах из кожи.
Бой окончен... Последний привал
Перед тем, как уйду к Тебе, Боже!

Груды тел – и своих и чужих –
Скрыли поле кровавым завалом.
Но летают над полем стрижи,
Как ни в чём... как ни в чём ни бывало.

Плащ трепещет на левом плече –
Только сердца не трогает трепет:
Я теперь понимаю, зачем
Мы пришли в эти дикие степи.

Я, последний легионер
Из погибшего здесь легиона,
Слышу звуки заоблачных сфер,
Колокольным звучащие звоном.

За секунду до смерти моей
Ты открыл мне, о Господи, это:
Час пробьёт! – и среди их степей
Будет наша молитва допета.

Варвар, ты поднимаешь свой меч
И вонзаешь мне в грудь, добивая...
Но в потомках ты станешь беречь
Всё, чем жил я в преддверии рая.

Кровь моя в недрах ваших степей
С кровью этих потомков сольётся,
И мы вместе взойдём на ступень,
Что Голгофой для них назовётся.

Победивший нас в этом бою,
Варвар, ты ещё не понимаешь:
Ты не жизнь отнимаешь мою –
Ты мой крест на себя принимаешь.

Ступень вторая: Византия

*Старик и подросток
уверенно шли по равнине,
а навстречу им остро летела
тень старинного*

Храма.

Прямо

над горизонтом

небо было, как раненый голубь-сизарь,

что волочит крыло по дороге,

роняя кровавую пену

на гравий.

- Равви! –

молвил подросток, - Смотри!

Божий храм заслонил собой солнце!

- Нет! – ответил старик, -

Это солнце померкло

пред Богом.

В строгом

облике старца,

в морщинах его и сединах,

невещественным светом горели

озарённые бдением

ночи.

- Отче! –

снова молвил подросток, - Скажи...

- Нет, - ответил старик, -

Слушай сердце. Оно не обманет.

I

Приказ был прост и однозначен...
Да, императорский приказ! –
Но мы язычники, и значит,
Он унизителен для нас.

Какие терции звучали
В моём расплавленном мозгу,
Когда с Крестом нас обручали,
Ломая наше: «Не могу!»

Мы перекрестья белых линий
Ложили краской на щиты,
В разломы душ вбивая клинья,
Как в землю колья под шатры.

Что стоит мнение солдата?
Приказ исполнил – и остынь!..
Мы в бой пошли, неся на латах
Нам ненавистные кресты.

Но непонятное свершилось!
В тот роковой для мира час
Чужое войско сокрушилось,
Как будто бы помимо нас.

Легко сметая ряд за рядом,
Мы сквозь него, как через дверь,
Промчались каменным снарядам,
Не ощутив своих потерь.

И то, что нам вчера казалось
Крушащим воинский устав,
Сегодня наших душ касалось
Рукой распятого Христа.

И ликование такое
Сердца заставило гореть,
Что всем нам даже после боя
Хотелось в муках умереть, –

В тех сладких муках, что даруют
У завершающей межи
Не блеск наград, а жизнь вторую:
Не умирающую жизнь!

II

Я, старый воин и ромей,
Храня имперские границы,
Мечтал, хотя б на склоне дней
Узреть величие Столицы.

Я, наконец, дошёл сюда,
На этот холм, откуда виден,
Град, возлежащий на садах,
Как перламутр на створках мидий.

Явился миру этот град
Дитём святого Константина –
Ему отдали свой наряд
И первый Рим, и Палестина.

Его соборы и дворцы
Рождают радость, а не ропот.
В нём в узел связаны концы
Всех мировых дорог и тропок.

И пусть он через много лет
К Лозе привит, как дикий стебель,
Но плод, возвращённый на земле
Был принят Господом на небе.

Ни где-нибудь, а в нём самом
Оно стоит необоримо –
Непостижимое умом
Величие второго Рима.

Я рад, что я сюда дошёл –
Полуслепой и дряхлый филин.
Как покрывает рану шёлк,
Покрыл мне душу крест Софии.

...В боях обрубленный на треть
Я, старый воин, разрыдался.
Теперь не жалко умереть:
Я видел то, за что сражался.

Ш

Дороги солдата – дороги войны.
Убийство – простая работа.
Но совесть исполнена чувством вины,
И, значит, неправильно что-то.

Доспехи привычно сидят на плечах,
В резные объятия ножен
Зажата привычная тяжесть меча...
И, всё же, я чем-то встревожен.

Я что-то теряю, а что? Не пойму.
Душа разрывается в клочья.
И сердце вещает уму моему,
Недоброе что-то пророча.

Оно проникает в меня, словно жук,
Который завёлся под кожей.
Я крепко Никейскую веру держу,
И всё же... и всё же... и всё же.

Я воин, мне лучше не думать совсем –
Приказы понятней Псалтири...
Но дважды на два – и ни пять, и ни семь,
А, всё же, как прежде, четыре.

Войди в мою плоть, Иисусе Христе,
Как в детстве входил после Чаши,
И дай мне понять, как у вражеских стен:
Вот – наши, а эти – не наши.

IV

Был штурм, и мы ворвались в город
Через разбитые ворота,
И нашей конницей был вспорот
Заслон врага за поворотом.

А дальше всё, как по накату:
Руби орущих и бегущих.
Раздолье римскому солдату
В теснине тел, в кровавой гуще.

И в этот миг, у перекрёстка,
Мой взгляд как будто тронул бритву:
Я вижу девушку-подростка,
Ко мне идущую сквозь битву.

Куда ты, дурочка, куда ты?
Ведь я сражаюсь не с тобою.
Ну, ладно те – они солдаты.
А ты... а ты помеха бою.

Зачем тебя несёт навстречу
Коню, под самые копыта?
Ведь искорёжу, изувечу –
Мой конь давно в боях испытан.

Он, как хороший пёс, натаскан
Травить любого, кто напротив;
И ни узда уже, ни ласка
Его в атаке не своротит.

Ещё полвыдоха-полвдоха
И под копытом хрустнут кости...
Но вдруг... я слышу имя Бога,
И вижу крест в девичьей горсти.

И что-то вмиг переломилось,
И я впервые удивился,
Нутром почуяв Божью милость:
Мой конь в бою остановился.

Он с дикой грацией тигрёнка
К ней на плечо склонился мордой...
Я понял всё!.. Прости, сестрёнка,
Что я сегодня злой и гордый;

Что, сея смерть во вражьем стане,
Забыл о главном на потребу.
И ты, и я – мы христиане,
Но ты – не я! – возвала к Небу.

Чужого племени девица,
Ты душу мне пронзила светом.
Я воин – да! – но не убийца.
...и ты сказала мне об этом.

V

Молча гляжу на разгромленный стан.
Вот уж умолкли победные трубы.
Негде не то, что пройти, даже – встать:
Всюду одни только трупы да трупы.

Мы их сегодня застали врасплох,
Утром, когда лишь забрезжили дали.
Крепкие парни... Помилуй их, Бог!
Смело сражались, пощады не ждали.

Радость? Но в сердце всё наоборот!
Хочется плакать мне, прочь убегая.
Господи... это ж родной мой народ –
Мать моя родом из этого края.

Кто мы, пришедший сюда легион,
Преодолевший их варварский климат?
Блудные дети из разных племён,
Все – урождённые граждане Рима.

Вот, я стою у истоков своих...
Римский солдат, я им чужд и враждебен.
Вроде всё правильно: верою их
Бог возгнушался на праведном Небе.

И лишь с душой своей наедине
Я в своём сердце рискую признаться:
Есть государство – но Родины нет,
А без неё мы – смешение наций.

Есть Император, и вера свята,
Только никак мы народом не станем,
Как эти парни, лежащие там,
В нами разгромленном вражеском стане.

Господи, Боже, прости мне мой грех:
То, что люблю я родных мне «не наших».
Молча стою на высоком бугре...
И поминаю за Родину павших.

VI

Врезается в стопы колючий песок,
Глаза опускаются ниже и ниже,
И ветер безжалостным пламенем лижет
Давно поседевший от зноя висок.

Привычная жажда вгрызается в грудь,
И губы обмётаны белым налётом,
Последняя влага теряется с потом,
И, всё же, мне дорог мной выбранный путь.

Я воин по сути, и этой тропой,
Которую ветер за мной замечает,
Иду я туда, где меня ожидает,
Быть может, мой самый значительный бой.

Довольно служил я земному царю,
Довольно я крови в сражениях пролил:
Меняются нынче посты и пароли –
Я жаждой служения Богу горю.

И эта небесная жажда сильнее,
Чем самая злая телесная жажда.
Всей плотью своею и клеточкой каждой
Стремлюсь я к прохладе духовных дождей.

Пускай они душу омоют мою...
В безмолвном затворе, в пещере пустынной,
Которая станет моей Палестиной,
У Бога я вечную жизнь отмолю.

Я переступаю заветную грань,
И всё, чем я жил, остаётся за гранью.
Вот скальный массив... здесь я утренней ранью
Начну свою битву – духовную брань.

VII

В келье моей темно,
В келье моей безлюдно,
Будто ушло на дно
Без экипажа судно.

А на семь дней пути –
Только пески Египта...

За душу страх схватил –
Бесом она избита.

Господи, Боже мой,
Дай мне, земному праху,
Выдержать этот бой,
И не поддаться страху.

Дай, как тогда давал,
В бытность мою солдатом,
Выдержать смертный вал,
Бьющий металлом в латы.

Я ведь стоял в строю
Насмерть в любом сраженье,
Ведая цель Твою
В каждом своём движенье.

Правда, сейчас трудней,
Ибо мой враг не видим...
Боже, во тьме моей
Бесу скажи: «Изыди!»

Слышу Твой глас: «Восстань!
Вот тебе меч монаха,
И выходи на брань
Против греха и страха».

Вдруг обожгло меня,
Будто в груди горенье,
Всё во мне поменяв,
Слово одно – «Смиренье!»

VIII

Рыдаю пред Ликом Твоим, Искупитель,
Как блудное чадо пред взором отца...
Душа возвещает всем членам: «Не спите!
Со мной потрудитесь во имя Творца».

Свеча оплывает: всё меньше и меньше
Её остаётся, но в сердце растёт
Уверенность в том, что я низок и грешен,
Никчёмен и лжив, как на солнце костёр.

Но чем унижается плоть моя ниже,
Тем выше и чище становится дух.
О Господи, Боже мой, я его вижу –
Огонь негасимый, горящий в аду.

Я долго томился в духовном болоте,
Не ведая сам, что по горло стою.
Ты дал мне победу над собственной плотью,
Как раньше давал мне победу в бою.

И так же, как раньше мне жизнь открывалась
В преддверии смерти на каждой войне,
Открылась мне Вечность на самую малость,
Но малости этой мне хватит вполне.

Всю ночь я молюсь пред Твоею иконой,
В слезах отразив Твой немеркнувший взгляд,
Твой блудный ребёнок, что встал вне Закона,
И, всё же, – дерзнувший вернуться назад.

IX

Иду по улицам столицы,
Не понимая ничего.
Откуда взялись эти лица,
И этот склад их речевой?

Нежны, как девы, и смазливы
(Таких отдать в гарем врагу б),
И говор чувственно-слезливый
Стекает мёдом с бритых губ.

Гляжу на них с тяжелым смехом,
Как на газелей смотрит барс,
И плоть, привыкшая к доспехам,
Не принимает этот фарс.

Что с вами сделалось, ромеи?
Куда ушёл солдатский дух,
Который в предках вы имели
С имперским духом наряду?

Ведь вы же воины Христовы,
И Православия оплот...
А, впрочем, если нет основы,
Пожалуй, всё – наоборот.

О древний Рим, ты похоронен
Под грудой роскоши и лжи.
Твой вековой престиж уронен
И в осквернении лежит.

Пока что в каждом твоём крае
Цветёт величие твоё,
Но там, где Воин умирает,
Народ теряет бытиё.

Сочится роскошью столица,
А всё во мне кровоточит...
Доколе, Рим, твой век продлится,
Коль ты поднять не в силах щит?

Х

Мы перед ними встали,
Загнав их, как птицу в силки.
Но войны эти – из стали,
Какая идёт на клинки.

Пускай нас намного больше:
Нас тысяча, их – только сто,
Но кто кого в битве искрошит? –
Пожалуй, не скажет никто.

Славяне готовятся к смерти,
И это страшнее всего.
Нас ждут наши жёны и дети,
У них за спиной – никого.

Конечно, я знаю: их тоже
И жёны, и матери ждут,
Но вижу, что втрое дороже
Зачем-то погибнуть им тут.

Враги... но какие солдаты!
Эх, нам бы таких в легион:
Любые чужие пенаты
Прошёл бы с победою он.

Эх, если бы Светом Христовым
Их дух был теперь озарим,
Каким бы железным остовом
Проникся дряхлеющий Рим!

Жалею, что воины эти
Не братья, а наши враги...
Мы их, как положено, встретим,
Но Ты нам, Господь, – помоги!

XI

Заря восстала, и на копья,
Слегка покрытые росой,
Роняла огненные хлопья...
А копий – хоть коси косой!

Такие вражеские станы
Наш Город видеть не привык...

Вдруг осквернил нам слух гортанный,
И непонятный их язык.

Враги молили, всё отринув,
Аллаха, бога своего.
Они покрыли всю равнину,
А нас – три тысячи всего.

А там, за нашею спиною, –
Полмиллиона горожан.
Да толку в них... трухой сенною
От страха их мужи дрожат.

Вооружить бы их мечами
Да всех на стены – был бы прок.
Но нет! их души измельчали,
Разъел их роскоши порок.

Едят и пьют, как в день Потопа...
Народ?! Какой они народ!
Они – прости мне, Боже, ропот –
Разноплеменный хлипкий сброд.

Ну, что ж, одни мы будем биться,
Как бьётся с волчьей стаей тур...
Враги закончили молиться –
Сейчас они пойдут на штурм.

Последний бой! Мы это знаем.
Но, страх сумев преодолеть,
К Тебе мы, Господи, взываем:
Дай нам достойно умереть!

ХII

Отслужив свой последний молебен,
Божью волю исполнив сполна,
Мы угасли, как в утреннем небе,
Угасает под солнцем луна.

Мы умолкли, как древние песни,
Как забытый молитвенный глас.
Мы теперь никогда не исчезнем,
Ибо Вечность прошла через нас.

Наши трупы подобно плотине
Град Святой не спасли от резни,
Но враги прикоснулись к Святыне,
Только переступив через них.

Мы остались на стенах и башнях,
У зубцов, у щелей амбразур,
Будто зёрна на вздобренных пашнях,
Победившие град и грозу.

Мы, погибшие, смерть пережили,
И уже никогда не умрём,
Потому что себя положили
На Алтарь, опалённый огнём.

Иисусе Христе, не отрини
Нашу малую жертву Тебе,
Ведь мы стали Твоими отныне,
Покорившись солдатской судьбе.

И Божественный путь не прервётся –
Мы его для других проторим...
Рухнул Рим, что Вторым назовётся –
Значит, Третий появиться Рим!

Ступень третья: Святая Русь

*Когда я разбрасываю руки в стороны,
я становлюсь похожим на Крест.
А в те мгновения Вечности,
что уменьшают меня до начальных размеров
Бессмертия,
я превращаюсь в материнское благословение
под рубахой далёкого предка.*

...очень редко.

*И только тогда,
когда это необходимо.*

Помню:

*я сохранил тебе жизнь,
когда был ты зверёнышем голым.*

Помню:

*вывел тебя угоревшего
из горящей избы.*

Помню:

*бросил корягу
под ноги хмельному монголу,
и клинок его
кровь твою
только слегка пригубил.*

*Я довёл тебя целым и невредимым
до вершины кровавой години, –
будь удачлив,
мой предок убитый.*

*Завтра – бой!
Завтра – тот отгремевший бой.
Я прощаюсь с тобой...
до начала
                  другого
                                  предка...*

1

Ослепительный морок веков
Стал внезапно понятен и тут же растаял.
У себя на груди между двух огрубелых сосков
Я вчера ощутил, будто кто-то коснулся
перстами.

Дурманящие ветры пустынь
Смяли стены пропитанных трезвостью
комнат:
Я увидел горящие над Рубиконом мосты
И узрел свою тень на другом берегу Рубикона.

И в злат стремя ступиша тыгда,
Под копыты комонь аз постлаша яруги.
Ркоша вечи Трояни ми: «Смерть ты притрепи,
егда
На великия тоце живот покладати за други».

Но горбатились в небо кресты,
Распластав над погостами голые руки
Так, что жилы мои надрывала кровавая стынь,
И ломало мой торс о колено седельной луки.

Вязло солнце на сжатых зубах,
Как изжёванный и обескровленный бетель,
Ибо жёлтые вои на жёлтых верблюжьих горбах
С порыжелых запястий роняли вспотевшие
плети.

Обелив не осиленный гуж,
Снегопады берёз отошли обречёно –
Только ноги краснели в проломах
расхристанных луж,
Как и ноги мальцов, проводивших на казнь
Пугачёва.

Во хмелю, да в похмельном бреду
Что нам стоил наш путь посреди бездорожий!
«Се аз праздын есмь, – глагола блаженный, –
и се пойду,
Бе бо Господа Бога обрящещи внуци
Даждьбожи».

Все мы русичи: смерды и знать.
Всем лежать нам в обнимку, и пешим,
и конным...
Важно только одно: перейдя «рубикон»,
осознать,
Что оставленный берег – на той стороне
«рубикона».

На плечах – походная усталость.
Солнце жжёт, не радуя, а зля...
За шеломенем давно осталась
Дорогая Русская земля.

Мы идём уже вторые сутки
Диким Полем. Впереди – дозор.
Смолкли песни, шутки-прибаутки –
Так смолкают птицы пред грозой.

Чую кожей под бронёй кольчужной
Жизнь чужую на чужих буграх.
В ножнах меч, а будто безоружный:
Так всегда, пока не видим враг.

По бурьяну вражеский лазутчик
(Незаметно так, поди, сумей)
Пробирается змеёй ползучей.
Сколько их в округе, этих змей?

Наконец-то, рать их перед нами –
Ожило осиное гнездо:
Вот над молодыми бурьянами
Показался первый их ездок.

Долго ж вы судили да рядили
Прежде, чем увидеть русский стяг.
Вы на Русь набегами ходили,
А теперь она у вас в гостях.

Путь на Днепр, для вас когда-то торный,
Навсегда теперь повёрнут вспять.
Над полками – Спас Нерукотворный,
Вам Его вторично не распять!

И отныне степь не будет Дикой,
Чем бы ни решился этот бой,
Ибо чистый Свет Христова Лица
На Восток ведёт нас за Собой.

3

Какая горластая нынче цикада!
Ночная трава не поёт, а вопит.
Такая погода – мечта конокрада:
За криком цикады не слышно копыт.

Но это я к слову... на сердце иное, –
Не в силах его и покой соблазнить:
То птицей забьётся, то раной заноеет
В предчувствии междоусобной резни.

Да сколько же можно сражаться друг с другом?
Уже не выносит ни плоть, ни душа.
Пора бы истлеть сыромятным подругам
В набеггах, что братья на братьев вершат!

Одна только злоба с безумием вровень...
Хоть вой от тоски, хоть от боли стони,
Но, братья по духу и братья по крови,
Мы делим друг друга на «мы» и «они».

А в небе, венчая шеломы и пики,
На наших хоругвях – одни образа.
Их очи глядят не на встречные лики,
А в наши забывшие Бога глаза.

В молитвах прося одного и того же,
Мы Тело Христа своей рознью дробим.
Доколе, доколе, о Господи Боже,
Тобою наш грех будет кротко терпим?!.

Роса выступает на кольцах кольчуги;
День битвы грядёт, чтобы взять свою дань.
Умолкла цикада, проснулись пичуги –
Две русские рати выходят на брань...

4

Пылают посады, горят города,
Деревни и сёла затоплены плачем.
По Русской земле, отпустив повода,
Татаро-монгольская конница скачет.

Железным потоком сметает она
Полки и дружины разрозненных княжеств.
Померкло дневное светило и, даже,
От ужаса кровью покрылась луна.

Ну, что же, достойная кара за грех
Разросшейся братоубийственной брани.

Кололи князя свою Русь, как орех,
И каждый считал, что он Божий избранник.

Ну, вот и дождались ответа с Небес!
Теперь – ни великих, ни малых княжений,
Все стали равны под пятой унижений:
Что князь, что холоп, что в кольчуге, что без.

Мы поняли всё, Иисусе Христе!
Мы примем укор Твой, и ропот задушим.
Ладонь палача запеклась на хлысте,
И хлещет он наши заблудшие души.

За ненависть к братьям нас гонят в полон,
И жён обнажённых на рынки выводят.
За кровь православных в крещённом народе
Повсюду стоит несмолкаемый стон.

Я воин, и мне остаётся одно:
Клочочек Руси заслону я собою.
И если такое мне право дано,
О Господи, дай умереть пред Тобою!

5

Я от жажды томлюсь над рекой,
Но уже никогда не напьюсь –
Я к земле прижимаюсь щекой,
И вливается кровь моя в Русь.

Битва кончена... враг поражён...
Только мне не придётся дожить
До встречающих воинов жён;
Домечтать, доллюбить, додружить.

Среди всех человеческих доль,
Наконец, мне досталась моя –
Остаётся теперь только боль,
Что свернулась во мне, как змея.

Я себе говорю: «Береги
Эту с телом последнюю связь».
Иисусе Христе, помоги
Умереть, не скорбя и молясь!

Завершается жизни страда,
Как безгрешный полёт голубят.
Ты мне, Господи, дал пострадать
За народ мой, за Русь, за Тебя.

Разве может быть что-то ещё
Выше этого дара Небес?
Слышу ангела возглас: «Прощён!»
Вижу крыльев святых его блеск.

И телесная жажда ничто
Перед вечным блаженством в раю...
Я лежу под пробитым щитом.
Я уже перед Богом стою!

6

Хоругви княжеские рдеют
Над Головным его полком,
И пусть ряды братьев редеют,
Я силой князя в бой влеком.

Его святой державной воле
Внимает каждый фибр души:
Пока он жив, на этом поле
Меня и смерть не сокрушит.

Доколе Спас Нерукотворный
Мне в спину огненно глядит,
Я – лист одной могучей кроны,
Я – вздох одной большой груди.

Давно расколот щит по краю
Ударом вражьего копья,
Но я легко мечём играю,
И от кровавой тризны пьян.

Земля подобится трясине,
Напившись красного вина,
А небосвод, недавно синий,
Покрыла пота пелена.

Уже разломлен фланг на части,
Уже везде – фронтальный бой.
Всё ближе смерть, а в сердце – счастье,
И входит Вечность в миг любой...

Но вот мой путь земной итожит
Мне в грудь направленный удар –
Благодарю Тебя, о Боже,
И принимаю этот дар!

Мне умирать легко, и даже
Готов я дважды умереть,
Но ты обязан выжить, княже,
Чтоб Русь проснулась на заре.

7

Ты помнишь, как после молитвенных правил
Стоял я один, без друзей и супруги,
И луч заходящего солнца кровавил
До блеска обтёртые кольца кольчуги?

Ты помнишь, как звякнули ножны о камень,
Когда я упал пред Тобой на колени,
И ризы коснулся – о, нет, не руками –
А только лишь тайным сердечным томленьем?

Молил я Тебя: «О всепетая Мати!
Готов я принять свою долю солдата,
Но дай мне увидеть, как русские рати
Повергнут к копытам коней супостата»

И Ты снизошла... Ты на миг мне явилась,
Как будто бы чем-то покрыв мои плечи...

Но миг этот был – несказанная милость
В преддверии нас ожидающей сечи.

От страха храпели ретивые кони
И прятали морды в пожухлые травы.
Но нас охраняла надёжней, чем брони,
Святая уверенность в том, что мы правы.

Тяжёлым был бой... Кровь не сохла от пота,
И некогда было прощаться с друзьями,
И каждый – работал, работал, работал
За грудами тел, как в колодезной яме.

Но даже и в том подоблении аду
Я нёс Твою радость в измученном теле,
И принял свой смертный удар, как награду,
В тот самый момент, когда мы одолели.

Я так благодарен Тебе, Богоматерь,
За высшую эту награду солдата:
Я видел! Я видел, как русские рати
К ногам Твоим бросили стяг супостата!

8

Разгулялась боярская спесь –
Понесло родовитых бояр.
Хоть на дыбу смутьянов повесь,
Всё равно не исправишь их, лярв!

Им что вторник, что среда.
Им что Царь, что простой пастух...
Мы же – слуги твои, Государь:
Мы покорны тебе и Христу.

Ты – помазанный миром Его.
Прах земной пред Тобою все мы.
Их крамола – в икону плевков,
А такое и кровью не смыть!

Образ Божий на грешной земле,
Ты хранитель Вселенских основ.
Мир, лежащий от века во зле,
Разве встанет от тьяканья псов?

Нет, дано это право не им,
Хоть всё золото мира просыпь.
Против них мы у Трона стоим,
Пусть такие ж, но верные псы.

Ты на нас положишь, Государь,
Как орёл на размах своих крыл.
Ты один прозреваешь ту даль,
Что Всевышний от смертных закрыл.

И не нам, и не нам, а Тебе
Богом власть над народом дана...
Я всего лишь Твой раб, а в рабе
Только верность бывает ценна.

С каждым днём тяжелее кольчуга,
Щит натёр до крови плечо,
Не ослабить в походе подпруги,
Не стреножить коней над ручьём.

А так хочется вымыть в нём руки
И омыть лубяные тела,
И повесить колчаны да луки
На ковры оружейных палат.

Кто сказал, что сердца наши глушит
Беспощадности острый недуг?
Просто мы надеваем на души
В нужный миг боевую узду.

Что же делать? Нельзя по-иному,
Это правило смутной поры:
Все представшие – вне закона,
Все отставшие – вне игры.

Всё понятно... Да, Господи Боже,
Дай пред ликом родимых лачуг
Оторвать от измученной кожи
Заскорузлые кольца кольчуг.

Дай сорваться в последнюю бездну,
Харкнув кровью запёкшихся слов:
- Мать Земля, расступись, не побрезгуй
И прими своих преданных псов!

Высыхает закат на кремлёвских зубцах,
 Как на крупе коня хлопья розовой пены.
 Мы и ляхи, два равных по силе бойца,
 Затаились и ждём: кто же выступит первый?

Видно, дьявол помоями землю залил –
 Полусгнившими душами злых иноверцев:
 И покрылось проказою тело земли,
 И проказой изъедено Русское сердце.

Видно, стали мы Господу Богу служить
 Так лукаво, что лучше б и не начинали.
 Где, когда, для чего мы погрязли во лжи?
 Что гадать? В чашу горький настой уже налит.

Нужно горечь нам эту испить до конца –
 Всем: неважно, в парче ты, в лаптях или рясе.
 Высыхает закат на кремлёвских зубцах,
 Но сюда мы пришли, чтоб восход их окрасил.

Мы имения продали. Жён и детей
 Заложили, чтоб выставить ратную силу, –
 И молитвенный вопль ко Христу полетел:
 «Возврати нам Царя! Возврати нам Россию!»

Я стою на коленях и слёзно молюсь –
 Слёзы жгут посильнее, чем, даже, гори я.
 Да, мне страшно, признаюсь, я смерти боюсь...
 Ты прости мне мой страх, Приснодева Мария.

Будь, прошу Тебя, рядом, когда на заре
Мы решимся пойти на проклятого ляха.
Ты мой дух укрепи, чтоб я смог умереть –
Если так суждено – без упрёка и страха.

11

Вот и кончилось это сражение,
Ядра больше вокруг не ревут.
Опускаюсь я в изнеможении
На залитую кровью траву.

Грудь пробита штыком неприятеля –
Рана рядом с нательным крестом.
И прошу я у Божией Матери:
«Помолись обо мне пред Христом».

Ты прости мне моё нерадение,
И греховную волю прости...
Но в последнем предсмертном видении
Я великую тайну постиг.

Я увидел Христа-Пантократора
В первый раз не на глади икон,
А в глазах моего Императора,
Когда поле осматривал он.

В них светились покорность с величием,
В них рыдала вся наша земля,

Когда каждого павшего лично он
В Царство Божие благословлял.

И тогда элексиром лекарственным
Мысль одна мне омыла уста:
Умереть пред лицом его царственным –
Всё равно, что пред Ликом Христа!

Ради этой секунды единственной,
Может быть, и рождён я на свет,
Потому что предстал перед Истиной
Здесь, на залитой кровью траве.

12

Грусть на сердце упала –
Так, хотят-не хотят,
С искорёженных палуб
В море мачты летят.

Так на поднятых трапах,
Даже в сонмище волн,
Сохраняется запах
Провожающих жён.

Мы уходим, Россия,
Но сквозь смертный азарт,
Где бы нас не носило,
Мы вернёмся назад.

Коль не сами, то в песнях,
В золотых желудях,
В облаках поднебесных
Да в осенних дождях.

Впрочем, это не важно:
Нам года не грозят, –
Умереть бы отважно
Там, где выжить нельзя,

Чтобы яркой кометой
В мир ворваться, да так,
Чтобы знали все – это
Русский воин-моряк!

Чтобы клич наш: «За Веру,
За Царя и за Русь!» –
Оправдал в полной мере
Расставания грусть.

Если б мир не дробился
На Добро и на Зло,
Кто б из русских решился
Море брать на излом?

Режет шрапнель траву...
Ладно бы, лишь её,
Но эти осы рвут
Полк, что прикрыл редут:
Смерть на чины плюёт –

Косит она подряд
И рядовых, и тех,
Кто возглавляет ряд.
Слышу шлепки гранат
Мягкие, будто в мех.

Пули бойцов разят,
Тело полка сковав.
В Вечность идут друзья,
Но отступать нельзя –
Там, позади Москва.

Вот и меня достал
Смертным перстом свинец,
Чтоб пред Лицем Христа
Я, как и все, предстал,
Принявшим свой венец.

И умолкает вдруг
Ядер колючий вой, –
Вижу цветущий луг,
Павших друзей вокруг...
Господи! Я – живой!

14

Ну, что ты, родная, ну, что ты?
Позволь мне слезинки стереть.
Награда солдатской работы –
На поле сражения смерть.

Там приторно пахнет люцерна,
Там буйно цветёт череда...
Не плачь... ты жена офицера,
И, значит, солдатка всегда.

Опять покраснеет рябина
И полночи станут длинней...
Ты мной, как Россия, любима,
И всё же – вторая за ней.

Я знаю, как это не просто:
С Отчизною мужа делить.
Не всякой такое по росту,
Не каждой связать эту нить.

И если назад не вернусь я
(А это возможно вполне),
Скажи: обвенчался он с Русью,
И счастье обрёл своё в ней.

Ведь нет для солдата дороже,
Честней и желанней судьбы,
Чем пасть на её бездорожье,
И вечно супругом ей быть.

Не плачь, не скорби, дорогая,
Всё видит Господь с высоты:
Россия – она не другая,
Она – это то же, что ты.

15

«За Веру, Царя и Отечество!» –
Наш клич боевой потряс
Планету и всё человечество
До всех его наций и рас;

До всех городов с деревеньками,
До каждой отдельной семьи;
До всех Пугачёвых со Стеньками,
Которым хребты он сломил.

Звенел он всегда перед битвами,
Как новый Вселенский виток.
Его с нашей кровию впитывал
И Запад, и Юг, и Восток.

И пусть не пробился в их келии
Мистический этот призыв,
Но он до последнего склеивал
Меж Богом и миром разрыв.

А нынче за что умираем мы,
Порою горячку поря?

Мы Богом жестоко караемы
За то, что отвергли Царя.

И даже смертями геройскими
Не смыть нам предательства грязь...
Какое б не подняли войско мы,
Они его рубят, глумясь.

«Они» – эта шваль краснопёрая,
Из нор повылазивший «класс».
И всё же... и всё же, История
Сегодня за них – не за нас.

А мы, офицеры и воины,
Ломаемся в этой борьбе.
Ну, что ж, мы того удостоены,
Чего заслужили себе.

...Кусаю в бессилии губы я,
От злобы бесплодной трясусь.
И давит шинель меня грубая,
И не принимает нас Русь.

И всё-таки делать мне нечего –
Сгореть, так не в рабском аду.
«За Веру, Царя и Отечество», –
Шепчу и... в атаку иду!

По земле рассыпаются листья,
Как песок золотистый по дну...
Я не верю в обилие истин,
Потому что приемлю Одну.

Я ведь клялся пред Образом Бога,
Перед Словом Его и Крестом:
Там, где я – инородная погань
Осквернить не посмеет Престол.

И какие бы мифы и саги
Не рождал клеветнический вал,
Никогда не нарушу присяги
Той, что я Государю давал.

Я солдат! Вензеля на погонах –
Это Духа Святого печать.
И не вправе предателей гонор
От России меня отлучать.

Даже если и нет Государя,
Для меня он по-прежнему есть, -
Потому-то погоны мне дарят,
Может, самую высшую честь:

Быть убитым в достойном сраженье
А не там, у расстрельной стены,
Где увидят своё отраженье
Мать предавшие горе-сыны.

Нет, я клятву свою не нарушу!
Крест солдатский на плечи беря,
Пусть умру, но бессмертную душу
Положу у Престола Царя.

17

Рухнуло всё, чем я жил в этом мире –
Вера, надежда и, даже, любовь.
Кровь запеклась на фальшивом сапфире –
Это моя настоящая кровь.

Белое Дело не может быть белым,
Если оно не под Белым Царём:
Мы на скрижалях писали не мелом,
Но – обжигающим адским углём.

Всё закружилось в расхлябанном вихре,
Всё превратилось в безумный бедлам.
Нам представлялось предательство ихним,
Но возвратилось предательство к нам.

Веру, Царя и Отечество продав,
Мы обвинили в предательстве тех,
Кто изначально был против народа
И не входил в Вифлеемский вертеп.

Злой фарисей и страдающий мытарь –
Мир на двоих разделился давно.

Их фарисейство понятно, но мы-то
Сами легли на духовное дно.

Мы для того и стояли у Трона,
Чтоб не смогла его ложь покорить...
Если хребет разложением тронут,
Что же о плоти тогда говорить?

...Подняты с пирсов последние трапы –
Русь провожает предателей в путь.
Тризну вершат Вельзевула сатрапы!
...их-то в предательстве не упрекнуть.

18

Я от смерти крестом защищаюсь –
Истекающий кровью солдат.
Я впервые с Россией прощаюсь,
Покидая её навсегда.

Облака надо мною белеют,
Навеяв вселенскую грусть.
Ни о чём я уже не жалею.
Никого я уже не боюсь.

Так, уж, видно отмерено Богом:
Этот взрыв для меня прогремел,
Чтоб я умер на этом пологом
Шелковистом уральском холме.

Ничего, всё не так уж и плохо...
Здесь, среди незнакомых мне мест,
Вижу я – над Россией Голгофа
Поднимает спасительный Крест!

Мне открылось, как золото в трюме,
Как родник в раскалённой степи:
Государь Император не умер –
Он Собою наш грех искупил!

Я от кровопотери бледнею,
До конца остаётся чуть-чуть...
Но Россия жива! Ведь пред нею –
Царской кровью очищенный путь.

19

Шли бои, напряжённые, злые.
Кровь хлестала с обеих сторон.
А над Русью уверенно плыли
Стаи сытых и жирных ворон.

День за днём убивал я кого-то,
Чтобы кто-то меня не убил,
До тех пор, пока из пулемёта
Этот «кто-то» меня не срубил.

А когда я упал на травы,
Своей кровью их оросив,

Я увидел: Орёл двуглавый
Улетает с неба Руси.

Улетал он, казалось, навечно,
Так как взор его был устремлён
В неземную уже бесконечность,
И земли не желал уже он.

Я тогда возопил беззвучно
Сквозь зажатые смерть уста,
Разбивая вороны тучи:
«Дорогой наш, не улетай!»

Но раздался тут Голос Небесный,
Мне посмертную радость даря:
«Русь Святая восстанет из бездны,
Ибо принял я жертву Царя.

Спи, Мой воин, ведь ты не речами,
Ты Мне смертью своей доказал,
Как вам дорог Орёл величавый.
Он вернётся на Русь. Я сказал!»

20

Вот оно! Всё же свершилось!
Будет нам «жаркий Ташкент».
Вышло на Божий свет шило
То, что не спрятать в мешке.

Я ещё с самой Гражданской
Знал, что расплата грядёт.
Вот он её и дождался,
Бога предавший народ.

Это не Гитлер пришёл к нам,
Это карающий бич,
На всю Вселенную щёлкнув,
Начал грехи наши стричь.

Ну, а чего мы хотели,
Отдав Царя на расстрел?
Сами теперь мы сгорели,
Как его плоть на костре.

Но, обгорая телесно,
Может, мы память вернём
В этой жаровне железной,
Тронутой адским огнём.

Воинский долг не воруют –
Я воевал за Царя,
Я ещё в ту Мировую
Принял присягу не зря.

Высохла вера, истаяв.
В душах – пустынная хрусть.
Но остаётся Святая,
Хоть и заблудшая, Русь.

Я ей отдам на лечение
Весь свой остаток любви...

Я уйду в ополчение.
Господи, благослови!

21

Нас загнали в леса и болота,
Обложили, как стаю волков.
И теперь это наша забота –
Честь и жизнь окружённых полков.

Что теперь говорить об измене
И уме генеральских голов?
Или в плен без душевных зазрений,
Или драться без выпревших слов.

Все мы будем сражаться здесь насмерть,
Будь то писарь, танкист или морпех,
Может быть, задыхаясь, как в астме,
И без всяких надежд на успех.

Ни снарядов, ни хлеба, ни, даже,
Табака, хоть кисетом труси.
Но мы лучше в болотах поляжем,
Ибо это болота Руси.

Гитлер думал, вторгаясь к нам: «Здрассте!
Мол, спасители ваши близки...»
Да плевать на советские власти,
Если Родину рвут на куски!

Мы тут сами без вас разберёмся,
И не суйся «баварская прусь!»
Мы ведь не за Советы дерёмся,
А за нашу исконную Русь.

Ничего у нас, кроме России –
Всё отняли, что можно отнять –
Только вашим оскалом крысиным
Не позволим её осквернять!

Пусть в лесах да в болотистом иле
Наши кости безвестно сгниют,
Но, как предки на Чудском вас били,
Мы, их дети, вас бить будем тут.

22

Позёмка вползает холодной змеёй
Под ворот колючей шинели.
Но гордо стоят над замёрзшей землёй
Красивые русские ели.

Окоп заматается белой крупой –
Почти и не видно окопа,
Но в нём предстоит мне решительный бой
С ревущей на поле Европой.

Она мою Родину траками рвёт,
Снарядным железом корёжит,

И хочет всё вывернуть наоборот...
Дай силы мне выстоять, Боже!

Тяжёлые танки страшнее зимой
Под хруст раздробляемых льдинок.
Вот этот огромный, наверное, мой.
Ну, что ж, впереди – поединок.

На бруствер я связку гранат положил,
Для верности снял рукавицы...
Обидно не то, что я мало прожил,
А то, что не видел столицы.

За что я сегодня здесь насмерть дерусь
С таким непонятным упрямством?
За нами Москва, а за нею – вся Русь,
А дальше – Небесное Царство.

Конечно, в России безбожная власть,
И зло комиссары лютуют,
Но если в бою этом нужно мне пасть,
Погибну за Русь я Святую.

И кто б не играл ею с бесом ва-банк,
Она не бывает безбожной...
Ну, всё... приближается вражеский танк:
Я вынул чеку осторожно.

На старой гитаре фальшивят басы,
Как будто их прядь поредела...
Мы оба солдаты с тобою мой сын,
И оба сейчас не у дела.

Безрадостно бьётся стакан о стакан,
Обида сердца наши гложет.
Давай я сначала спою про Афган,
А ты про Чечню мне попозже.

Полковник с майором на кухне сидят! –
Мы стали ненужной поклажей:
Правительство наше... да Бог им судья...
Сынок, мы ещё им покажем.

Не верю, не верю, что всякий там сброд
Сожрёт нас, наш дух пересилия.
Пускай развратился уставший народ,
Но, всё же, осталась Россия.

А если родная Россия жива
И дышит хотя бы отчасти,
Никто не сумеет её зажевать –
Ещё не родились те пасти.

Мы завтра в ближайшую церковь пойдём:
Одна лишь надежда – на Бога.
А то мы живём, как солому крадём
Из собственоручного стога.

Сынок, нам Россия как мать и жена,
Так будем ей сыном и мужем.
Нам наша Отчизна, как воздух нужна,
Ведь мы ей служили... и служим.

24

Как скот, нас загнали в загоны,
Терзают с упрямством ворон...
В шкатулке храню я погоны
С тех, прежних, советских времён.

Всё стало смешно и постыдно,
Как будто всё было враньё.
А мне за Державу обидно,
И больше – за войско её.

С экранов предатели лают
По нотам чужим и без нот...
Ну, ладно, – система гнилая.
Но Армия что? А Народ?

Какую войну пережили!
Какого разбили врага!
А те, кто в Афгане служили,
Прошедшие сквозь Кандагар?

Они, в двадцать с лишним седые,
Исполнили честно свой долг.
Да эти солдаты – святые.
Спаси и помилуй их Бог!

О Господи, что происходит?
Зарезали нас без ножа.
Да в нашем уже огороде
Не камни, а глыбы лежат.

Что делать нам, Господи Боже?
Как честь сохранить? Научи!
Ведь если Ты нам не поможешь,
Бессильны любые врачи...

25

Теперь я знаю, Кому служить,
И, значит, мой воинский путь не кончен.
Теперь могу я дышать и жить,
И душу не рвать сомненьями в клочья.

Я думал: больше России нет,
И всё покрылось окалиной ржавой.
Но вдруг, как молния, вспыхнул Свет,
Россию вновь превращая в Державу.

И этот Свет – Православный Царь!
Россия и Он – как вода и льдины,
Как две звезды, Алголь и Мицар,
Как путь и цель его – неразделимы.

Судьба солдата – судьба страны.
Не будет войска – народа не будет.
Но мы Царю, что грядёт, верны,
А верность надёжней любых орудий.

Тебе я верю, мой Государь:
Я знаю, что Царство Твоё настанет.
Святая Русь – жива! И сюда
Придут последние христиане

СОДЕРЖАНИЕ:

Жажда покаяния	4
Смертельный стыд	5
Ключи от души	7
Невидимое Небо	8
Главная дорога	9
Торжество любви	10
Связующая нить	11
Белое и чёрное	12
Таинство брака	13
Дар	14
Сила слабости твоей	15
Крик души	16
10 минут боли	18
Один на один	19
Дорога любви	21
Жажда Солнца	22
Высохшие георгины	24
Следствие по делу души	25
Одно служение	27
Осенняя заря	28
Божественный залог	29
Коршун	31
Помолись обо мне	32
Мусор	33
У осенних ракич	34
Ты знаешь это... ..	35
До и после исповеди	37
Начало пути	39
Божий дар	40
Крепость	41
Преодоление страха	42
Случайная мысль	43
Золотая осень	45
Возвращение в Народ	46
Сияние рос	47

Твой голос	49
Ответ на твой голос	51
Осеннее знамение	53
Живая вода	54
Потерянное Солнце	55
Творчество наше	57
Льдина гордости	59
Первая дверь	61
Дорога из чащи	62
Кукушка	64
Храм и кабак	65
За что?	66
Залог	67
В одной лодке	68
Вечная молодость	69
Свидетельство Бога	70
Гордыня	72
Верность	74
Ум и душа	76
Тайна	78
Любовь	79
Сердце в миру	80
Небо и камни	81
Смирение женщины	82
Быть собой	83
Семья	85
Дорога к счастью	87
Не оставляй меня	89
Явленное в тебе	90
Размышление	92
Мои сокровища	94
Покаяние любовью	95
Дар Небес	96
Скит в миру	98
Эхо посреди Небес	99
Долг	100
Бессмертие любви	101
Дорога в сердце	103

Вечная невеста	105
Воздвижение крестов	107
Кровавая метка	108
Знамение Божье	109
Жара	110
Рождение в детство	112
Предоплата	113
Потаённые места	115
Страшное открытие	116
Божий мир	117
Самое дорогое	118
Мера святой чистоты	119
Грусть и радость	120
Покой	121
После венчания	122
Рождество	123
Твой долг	125
Прорыв из уныния	127
Чудо вымоленного дождя	128
Вечности залог	130
Право на мужа	131
Сквозь ураган	133
Одиночество	135
Дорога судьбы	137
Ты моё покаяние	138
Истинная любовь	139
Верный раб	140
Основа жизни	142
Животворящая боль	143
Последнее желание	146

Три ступени на Голгофу или Вечный воин (поэма)	147
---	------------

Гревцев Игорь Дмитриевич

Покаяние любовью

Редактор: Игорь Гревцев
Макет обложки: Алексей Гришин

Отпечатано в типографии «Принт-формула»

г. Москва

500 экз.